

ЛОЗИНСКИЙ МИХАИЛ ЛЕОНИДОВИЧ *«Человек, в стороне стоящий»*

В 1924 году Михаил Лозинский, будущий автор бессмертного перевода «Божественной комедии» Данте, объяснял себе и своему брату, находящемуся в эмиграции, почему он остался жить при Советах. «В отдельности влияние каждого культурного человека на окружающую жизнь может оказаться очень скромным и не оправдывающим приносимой им жертвы. Но как только один из таких немногих покидает Россию, какой огромный он этим наносит ей ущерб: каждый уходящий подрывает дело сохранения культуры». Это письмо он сумел отправить, когда ему разрешили посетить свою дачу в Финляндии¹. Мать, сестра, брат эмигрировали. Он остался, назвав этот свой поступок «исторической миссией». За что и принес весьма ощутимую жертву.

Биография переводчика известна из заполненных им собственноручно анкет, сохранившихся в архиве Российской Национальной Библиотеки и в ЦГАЛИ. Правда, в анкетах этих есть значительные лакуны: в них пропущена информация о том, как в жизнь Лозинского вторгались ЧК — ГПУ — НКВД.

Дворянин, потомственный интеллигент, сын присяжного поверенного, прослушавший некогда курс в Берлинском университете, окончивший два факультета в Петербургском университете (юридический и историко-филологический), до революции многократно бывавший за границей, владеющий девятью языками, с 1914-го секретарь редакции журнала «Аполлон», издатель «Гиперборея», поступивший в 1915 году вольноотрудающимся в Императорскую Публичную библиотеку.

¹ Цит. по: Толстой И. Круто к ветру! // Ленинградская панорама. Л., Советский писатель, 1988. С. 439.

ку и дослужившийся к 1918-му до заведующего Отделением изящных искусств и технологии, одновременно — преподаватель в Российском институте истории искусств, в Институте живого слова, член редколлегии экспертов издательства «Всемирной литературы», руководитель курсов при издательстве и студии поэтического перевода — всё это уже делало Лозинского чужаком для новой власти и вызывало ее подозрения.

Ученик Михаила Лозинского, поэт-переводчик Игнатий Михайлович Ивановский, рассказывает, как Лозинского «еще в 1919 году... вызвали в Чека и задали вопрос:

— Юденич близко. Скажите честно, если в Петрограде начнутся уличные бои, на какой вы будете стороне?

— Надеюсь, что на Петроградской, — ответил Михаил Леонидович и был, под общий смех, отпущен.

Тогда это было еще возможно»².

Конечно, возможно и то, что это легенда, но сама реакция задержанного, остроумная игра слов — это, бесспорно, в характере Лозинского.

И еще один эпизод из того же времени. Правда, может быть, тоже апокриф, но уж больно выразительно и об атмосфере того времени, и о детях Лозинского, и о его насмешливом взгляде на жизнь. История, зафиксированная в дневнике К.И. Чуковского. Запись от мая 1919 года:

«Нет, это не должно умереть для потомства: дети Лозинского гуляли по Каменноостровскому — и вдруг с неба на них упал фунт колбасы. Оказалось, летели вороны — и уронили, ура! Дети сыты — и теперь ходят по Каменноостровскому с утра до ночи и глядят с надеждой на ворон»³.

«Таких людей, как мой отец, на свете больше нет»⁴, — под этим названием опубликовала свои воспоминания о Лозинском его дочка Наталия Михайловна. Она рассказала, как они с братом и мамой в первые послереволюционные годы

2 Ивановский Игнатий. Воспоминания о Михаиле Лозинском. // Нева, 2005. №7. С. 201.

3 Чуковский К. Дневник. 1901–1921. М., 2011. С. 252.

4 Толстая Н.М. Таких людей, как мой отец, на свете больше нет // Комсомольская правда. 2001. 21 июля.

жили при гостинице «Европейская», где был тогда карантинно-распределительный пункт для беспризорных детей. Татьяна Борисовна работала там учительницей. Михаил Леонидович остался жить на кухне в промерзшей квартире на улице Красных Зорь и часто приходил к ним, находя время для игр с детьми. Сереже тогда было пять лет, Наташе — всего три года. В 1921-м девочка тяжело болела. Трагичны и трогательны страницы дневника А. Оношкович-Яцыной о душевном состоянии Лозинского во время болезни его дочери.

5 августа 1921 года Лозинский попал в засаду в Доме искусств, в комнате арестованного Николая Гумилева. Подробности этой истории теперь известны из недавно опубликованного письма филолога-романиста Г.Л. Лозинского, брата Михаила Леонидовича, от 26.08.1921 из Финляндии (ему при помощи проводника-контрабандиста удалось перейти границу) в Париж Елизавете Миллер, их сестре:

«...В четверг по не выясненным еще причинам был арестован Н.С. Гумилев, проживавший с женой в общежитии Дома искусств на Мойке. Весь день только и была речь, что о нем и о засаде, оставленной у него на квартире. Все об этом знали, знал и Миша, даже, по-видимому, предупреждавший о засаде кого-то из знакомых. <...> В пятницу утром <...> около 12 является молоденькая барышня, Мишина ученица по поэтической студии, и в волнении заявляет, что Миша утром попал в засаду в комнате Гумилева; она видела, как он шел туда, но не успела догнать, чтобы предупредить его. Понимаешь, какое эта новость произвела впечатление! Известно, по какому делу попался Гумилев: согласно одному из слухов, в связи с какой-то организацией, переправляющей людей в Ф<инляндию>. У Миши накануне в бумажнике были адреса 3 посредников, знакомых Шапировых, которые он собирался уничтожить. <...> В понедельник 9.09 до меня дошли еще более удручающие слухи, заставившие даже усомниться в Мишиной нормальности. <...> Миша вошел в комнату Г<умилева>, никого не замечая, подошел к сидевшей там (под домашним арестом жене Г<умилева>), спросил ее: “Дома Н. С.?”, затем увидел направленные револьверы, сказал: “Ах, Боже мой!” — и все.

<...> В воскресенье 7.08 Таня ездила в Новый Петергоф к сослуживице... жене видного следователя ЧК, и ей удалось добиться внимания этого важного лица... <...>

По-видимому, вмешательство чекиста произвело нужное действие, и, вернувшись часам к 5 в понедельник домой, я узнал, что Миша на свободе, а часам к 7 пришел и он сам, бледный, похудевший, и рассказал о своих злоключениях.

На него нашло какое-то помутнение рассудка: он забыл о засаде и вспомнил, когда уже было поздно. До вечера он сидел в комнате Г<умилева> вместе с его женой... <...> Благодаря интеллигентности “коммунаров” он мог проверить содержимое своего бумажника и оказать кой-какое ценное содействие жене Г<умилева>. Увели его на Гороховую, 2, причем его успели предупредить, что я знаю о случившемся. Там он просидел три ночи и два дня и одно утро на стуле в комендатуре, куда приводят арестованных для дальнейшего распределения и направления. Так как он считался задержанным, а не арестованным по ордеру, то его имя не поступало все эти 3 дня в справочное бюро, ему нельзя было посылать “передачу”, и на него не отпускалось арестантского пайка. Первый день ему что-то дали, а потом он получал только чай — то, что ему давали сердобольные спекулянтки, арестованные на дому и привезшие с собой провизию. Следователь допрашивал его об его отношении к Г<умилеву>, о взглядах Г<умилева> на политику, о собственных взглядах Миши (Миша определил себя как “филологический демократ”, т.е. как человек, относящийся с уважением к народу, носителю языка, который он изучает), о том, бывал ли Миша за границей... <...>

— Ваше счастье, — сказал следователь потом Мише, — что Вы попали на меня. Другой следователь посмотрел бы на это дело серьезнее. В будущем будьте осторожнее.

Мишу отправили обратно в комендатуру, где его, д.б., забыли и, вероятно, отпустили только тогда, когда из Петергофа вернулся тов. Озолин (Ян Озолин — сотрудник ЧК, участвовал в следствии по Таганцевскому делу. — *Авт.*) и позвонил по телефону»⁵.

5 Цит. по: Тименчик Р.Д. Что вдруг. Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2008. С. 65–68.

В этом же 1921 году «филологический демократ» М.Л. Лозинский, заполняя в Публичной библиотеке анкету, на вопрос об отношении к партиям написал: «Политике чужд». Во время чистки совappарата в 1929 году сказал о себе: «Я принадлежал к типу созерцателей. Человек, в стороне стоящий»⁶.

В начале 1920-х он уже профессор, затем действительный член Российского института истории искусств, член Всероссийского Союза писателей. На вопрос анкеты об узкой специальности отвечает: «Иностранная литература и искусство».

«Узкая» специальность Лозинского и, при всей его, казалось бы, академичности, сохранившаяся потребность в игровом общении — это и собирало вокруг него молодежь. Летом 1919 года в доме Мурузи⁷ (пр-т Володарского, 24) Лозинский читает публичные лекции из цикла «Всемирная литература XIX и XX веков» и ведет практические занятия. Зимой в Доме искусств, на углу Невского и Мойки, открывает Студию стихотворного перевода.

Первые впечатления будущих студийцев: «Михаил Леонидович Лозинский, большой, высокий, близорукий, с патетическим голосом и аккуратным пробором <...> величественный, огромный и солидный, как шестистопный ямб»⁸.

Обучая студийцев стихотворному переводу, Лозинский экспериментировал: учились переводить и с русского на французский, пробовали это на стихах из Ахматовой («Он длился без конца...», «Дверь полуоткрыта...»). М.Н. Рыжкина вспоминала, что, когда в журнале «Дом искусств» появилось ахматовское стихотворение «Мурка, не ходи — там сыч...», Лозинский «шутки ради предложил перевести “Мурку” на все доступные нам языки». Случилось так, что Рыжкина попала в окружение Ахматовой и, «чтобы потешить ее, заявила: “Мы ваши стихи

6 Архив РНБ. Дело Императорской (Государственной) публичной библиотеки о службе М.Л. Лозинского 1914–1937. № 2385.

7 Дом Мурузи — знаменитый доходный дом, который в городе называли по имени бывшего владельца князя А.Д. Мурузи. В этом доме, опустевшем после революции, весной 1919 года разместилась студия при издательстве «Всемирная литература». В студии читали лекции и преподавали Н. Гумилев, К. Чуковский, Е. Замятин и др.

8 Оношкович-Яцына А.И. Дневник 1919–1927 // Минувшее. Исторический альманах. № 12. М.; СПб., 1993. С. 381.

переводили «на все языки» — и прочла и французский и немецкий перевод», признавшись, что на английском прочесть не решается по причине произношения. «“Очень вольный перевод”, вылила она мне ведро холодной воды на голову».

Занимались одно время в помещении издательства «Всемирная литература», располагавшемся первоначально при комиссариате народного просвещения на Невском, 64. Затем вместе с издательством перебрались по другому адресу — на Моховую, против Тенишевского училища, в бывший барский особняк генеральши Хариной. Иногда встречались и на квартирах студийцев.

19 декабря 1925 года Лозинский выступил с анализом своего метода на секции переводчиков Ленинградского отделения Всероссийского Союза писателей. 19 октября 1926-го повторил этот доклад на I заседании Комиссии по изучению перевода. Вот основные положения доклада:

Тема... сообщения необычная и вообще еретическая, ибо предметом ее является коллективная совместная соборная поэтическая работа.

Искусство — дело вселенское, средство общения между временем и народами...

Но в своем труде художник одинок...

Иск-во кафолично... Перекличка трагических отдельных голосов. В искусстве пребывают живыми давно умолкнувшие голоса...

Пускай Пергам давно во прахе,

Пусть мирно дремлет тихий Дон:

Все тот же ропот Андрوماхи

И над Путивлем тот же стон...⁹

...Творческий процесс складывается из постижения и воспоминания, слитых воедино.

Если бы этот процесс мог быть расчленен так, чтобы поэтическая идея могла быть выражена в беззвучной иероглифиче-

9 Лозинский цитирует стихотворение Владимира Соловьева «Ответ на “Плач Ярославны” К.К. Случевскому».

ской формуле, была бы возможна коллективная работа над ее истолкованием и словесным воспроизведением.

Такой иероглифической формулой является всякое поэтическое произведение на чуждом языке, и выражение ее средствами данного языка возможно путем коллективной работы.

...Сумма нескольких координированных языковых сознаний располагает большим числом языковых комбинаций.

Такое содружество приводит к большему числу возможных вариантов.

Совместная работа предполагает живое общение участников, которые, собравшись вместе, одновременно и сообща изучают иностранный текст и стремятся по возможности передать его на родном языке.

Такая работа, чтобы не идти вразброд, предполагает руководителя, являющегося как бы дирижером.

Он должен быть отзывчив и деспотичен и быть вооружен жезлом железным.

Михаил Леонидович Лозинский закончил доклад ссылкой на своего погибшего друга:

Вот те мысли, которые руководили мною, когда семь лет тому назад я, следуя дружеским настояниям Николая Степановича Гумилева, пытался организовать во «Всемирной литературе» студию стихотворного перевода¹⁰.

Через год, в ноябре 1927-го М.Л. Лозинский вместе с некоторыми другими сотрудниками Ленинградской государственной публичной библиотеки был арестован. Через семнадцать дней освобожден без предъявления обвинения.

В семейном архиве сохранилась открытка:

ДПЗ — 3 отд. 23 камера

Дорогая моя Таня.

Я был ужасно счастлив, увидев тебя во вторник. С нетерпением жду следующего свидания. Чувствую себя вполне хо-

¹⁰ Личный архив И.В. Платоновой-Лозинской.

рошо. А ты береги себя, не переутомляйся, когда увидишь детей, поцелуй их от меня, крепко, как и я тебя целую.
Любящий тебя,

твой М.
30.11.1927¹¹.

Через месяц М.Л. Лозинский оставляет свой шутливый (шутливый ли?) автограф в Памятной книжке издательства «Academia». В диалоге с давним знакомым художником Вениамином Белкиным они перебрасываются цитатой древнекитайского философа — даосиста Лао-Цзы и парафразой к этой цитате.

«Когда пустота будет доведена до последнего предела, то будет глубочайший покой...»

С подлинным верно. В. Белкин

«Когда густота будет доведена <до> величайшего предела, то будет глубочайший покой».

Антитеза высказывания...

Верно. М. Лозинский¹²

Реальная жизнь с дао сопрягалась с трудом. В Санкт-Петербургском центральном государственном архиве литературы и искусства сохранилась выписка из протокола Рабоче-крестьянской инспекции по опросу Лозинского во время чистки соваппарата в 1929 г. Приводим эту выписку с сохранением стиля документа:

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 19 ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ
ОТ II / VI

СЛУШАЛИ: Лозинский работает в библиотеке с 1914 г. Образование юрист, но не применял на практике это образование, перешел на филологический и окончил его. Поступил в библиотеку вольнотрудящимся без содержания, а затем и занял

¹¹ Личный архив И.В. Платоновой-Лозинской.

¹² ОР РНБ. Ф. 1120. Кроленко А.А. Academia. Памятная книжка. Запись 31 декабря 1927 г.

освободившуюся вакансию. Привлекало его в библиотеку желание здесь работать. Работал весь 1914 г. в отд. социальных наук, затем перевели в отд. искусств. Принимал участие в журнале «Аполлон». С 1915 г. в этом отд. и стал им заведовать.

ВОПРОС: Вы были старым представителем общества, и для Вас политическая жизнь не была чужда и не мог пройти мимо Октябрьский переворот, как Вы отнеслись к попыткам интеллигенции игнорировать Октябрь.

/молчит/ «Это крупное событие, которое пришлось пережить, я принадлежал к типу созерцателей. Человек, в стороне стоящий. Мне не стоило труда и внутреннего перелома понять, что здесь делается на глазах история и люди, которые подтолкнули, этот курс был курсом исторически верным».

ВОПРОС: Значит, с точки зрения исторического курса Вы его встретили.

«Да, это совершенно так, да, так».

ВОПРОС: Вы к попыткам противодействия Октябрю отнеслись равнодушно. Как Вы отнеслись к саботажу к поражению Октября.

/молчит/

ВОПРОС: В целом Ваш круг встретил враждебно Октябрь.

«Нет, я хочу вступить за эту часть, их имена Пушкин, Аппман (в документе имена неразборчиво. — Авт.) — отнеслись иначе».

ВОПРОС: Как Вы отнеслись к волне противодействия революции.

«Я не сочувствовал, я видел, что ничего не выйдет, слишком силен толчок. Исторически это неизбежный толчок».

ВОПРОС: Значит, нейтралитет своего рода, и для Вас исход борьбы был ясен.

/молчит/

ВОПРОС: Считаете ли Вы Баймонта (предполагаем, что так в протоколе записана фамилия Бальмонта. — Авт.) врагом трудящихся.

«Да, он поступил некрасиво».

ВОПРОС: Не в этом дело, а, например, Бунин, по-Вашему, враг или нет, и Вам он тоже враг.

«Да, поскольку я здесь».

ВОПРОС: Поскольку Вы здесь, как Вы относитесь к эмиграции, в частности Ваш брат — эмигрант.

«Да, но он не политик, он просто ученый, не имею с ним сношений и его мнения не знаю».

ВОПРОС: Считаете ли Вы эмиграцию врагом СССР.

«Да, конечно врагом».

ВОПРОС: Вы были арестованы.

«Да, был арестован 17 дней, обвиняли в помощи мировой буржуазии, я отрицал».

ПОСТАНОВИЛИ: Поручить Левинтову выяснить о привлечении Лозинского по Таганцевскому делу. Выдвинуть на персональную чистку.

Выписка верна.

Подписал Звейнек¹³.

В личном деле сотрудника ГПБ М.Л. Лозинского есть документ, где в графе «Проходил ли чистку госаппарата ГПБ V–VI — 1930» отмечено: «Считать проверенным»¹⁴.

В 1931-м забрезжила надежда на публикацию переводов Эредиа, сделанных силами студийцев Лозинского. Он пригласил своих некогда молодых, а ныне значительно повзрослевших друзей к себе домой, чтобы бросить свежий взгляд на общую работу, что-то исправить, что-то доделать, усовершенствовать.

В архиве И.В. Платоновой-Лозинской хранится тетрадь, озаглавленная «Расписки по уточнению 28.09–21.10.1931». В этой тетради бывшие студийцы ежедневно в течение трех недель строго отмечали свое присутствие на возрожденных коллективных занятиях. Но видно, что одновременно они с удовольствием возвращались к своим давним, совсем не формальным отношениям. Расписывались — кто настоящей своей фамилией (Владимирова, Бронник, Малкина...), а кто и прежним прозвищем (Памбэ, Маврикий...). Забавлялись, выстраивая из росписей геометрические фигуры, порой весе-

¹³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 97, оп. 2, д. 9, л. 26–27.

¹⁴ Архив РНБ. Дело Императорской (Государственной) публичной библиотеки о службе Михаила Леонидовича Лозинского. 1914–1937. № 2385.

ло по листу разбрасывали буквы. Одним словом — снова играли. И их вполне солидный руководитель в эту игру включался тоже.

М.Л. Лозинский был главным библиотекарем ГПБ и заведующим Библиотекой Вольтера. Но проработал он в этой должности всего чуть больше двух недель: назначение получил 4 марта, а пришли за ним 20-го. Несомненно и то, что он ожидал ареста: 9 числа взяли его ученика, студийца Михаила Бронникова. В один день с Лозинским — Татьяну Владимирову, Марию Рыжкину-Петерсен.

За три дня до ареста, 17 марта, в его квартиру явились с ордером на обыск. В присутствии представителя жакта т. Суворова «наложены две печати ОГПУ, одна внутри комнаты, одна снаружи». Зафиксировали следующие факты: средства к жизни М.Л. Лозинский получал в форме заработной платы и литературных гонораров, его жена — служащая Политпросветцентра, сын — практикант ленинградского отделения Теплотехнического института, дочь — учащаяся.

На допросе Лозинский спокойно рассказывал о создании и работе студии, никого ни в чем не обвиняя, не называя ни одного имени. Он с достоинством оспаривал обвинения в причастности своих учеников к контрреволюционной деятельности, отрицая политическое содержание занятий в студии.

В отличие от протоколов допросов большинства обвиняемых, в протоколе допроса Лозинского не слышно диктующего голоса следователя:

...Беспартийный. Сочувствую целям и задачам Соввласти и считаю своим долгом по мере сил способствовать росту СССР и социалистическому строительству.

...Был арестован летом 1927 г. Содержался в ДПЗ 17 дней, освобожден за прекращением дела.

Считаю себя убежденным и добросовестным участником советского строительства, и ни в одной из областей, в которых я работаю, я не могу упрекнуть себя ни в чем, что могло бы идти вразрез с интересами этого строительства.

По вопросу о моей деятельности как руководителя литературной студии сообщаю нижеследующее:

В конце 1919 г. при ленинградском Доме искусств (при Наркомпросе) была организована литературная студия, в ней я вел занятия как руководитель семинария... по стихотворному переводу. В основу занятий я положил метод коллективного перевода. ...Занятия велись из года в год, иногда с многомесячными перерывами (например, с января по осень 1922 г. занятий не было ввиду моей болезни). Зимой 1922–1923 г., с закрытием Дома искусств, занятия моей студии переехали в издательство «Всемирная литература».

Закончены они были весной 1923 г. Целью моих занятий было обучение молодых поэтов, на основе коллективной работы, технике стихотворного перевода, отвечающего наивысшим художественным требованиям. Вначале для работы брался разнообразный материал и преимущественно французского поэта, т. к. этим языком владели все участники студии. Опыт работы над более трудными формами, в частности, над сонетом в лице совершеннейшего из сонетистов Эредиа, дал очень ценные результаты, и издательство «Всемирная литература» предложило моей студии взять на себя перевод всех сонетов Эредиа из его книги «Трофеи». Задание это и было выполнено к весне 1923 г. Большая часть переведенных сонетов — коллективная работа, остальные — переводы отдельными участниками, но подвергались опять-таки коллективной редакции. Ввиду ликвидации «Всемирной литературы» не вышло издание этого сборника. В нем имелось мое предисловие, написанное еще в 1923 г., где я излагаю историю моей студии и метод ее работы. Перед отсылкой рукописи в Москву я в сентябре — октябре 1931 г. предложил наиболее активным из моих студийцев совместно просмотреть и исправить ряд сонетов, меня не удовлетворявших. Работе этой мы посвятили 5 вечеров. Около 20 октября 1931 г. рукопись была вручена ленинградскому отделению «Академии».

Я должен категорически протестовать против предположения, что занятия в моей студии могли привлекать молодых поэтов как нечто вроде «убежища» от суровой советской действительности и что поэтому атмосфера этих занятий должна была быть «политически вредной». Каких-либо антисоветских настроений среди моих слушателей и сотрудников не было и в помине,

руководитель же студии носителем таких настроений также не являлся. Интерес к занятиям был большой, но интерес чисто художественный, подтверждаемый к тому же увлекательностью коллективного метода работы. Результат проделанного труда — переведенная студией книга исключительного мастера стиля — свидетельствует об интенсивности этого труда. Всем участникам работы и руководителю их казалось, что они делают ценный вклад в нашу переводческую литературу и дают показательный пример плодотворного коллективного творчества. О работе моей студии я неоднократно делал доклады (во «Всемирной литературе», в Государственном институте истории искусств, во Всероссийском Союзе советских писателей), и всюду метод нашей работы вызывал живой интерес, а результаты ее — очень высокую оценку. За последние годы и иностранная секция ВССП, и секция переводчиков ФОСП¹⁵ не раз предлагали мне возобновить мои занятия, но недостаток времени не позволял мне этого сделать.

О шуточных прозвищах участников студии. Летом 1920 г. во время поездки в Тарховку на дачу Дома искусств участники студии по поводу разных смешных случаев дали друг другу шуточные клички.

Меня прозвали... *Lehrer Lapipel* (из Буша «Макс и Мориц»), Шерфоль — Его Непостижимость герцог Шерфольский. Далее помню прозвание других: Макс, она же Максим Скуратович Скуратов — Памбэ Прембес; Мориц, она же Маврикий, архиепископ Коломенский и Тарховский, или Мориц и Фут; Гастон де Пиньяк, герцогский капельмейстер, Единственная Женщина, Молодой Утопленник и т. д.

На основе этих прозвищ вырос ряд воображаемых комических фигур, о которых молодежь писала шуточные произведения в стихах, и в прозе, и в драматической форме, подтрунивая

¹⁵ ВССП — Всероссийский союз советских писателей; создан в 1920 году на основе закрытого Дома литераторов. ФОСП — Федерация объединений советских писателей; создана в 1926 году. Задача ФОСП — «объединение различных писательских группировок, желающих активно участвовать в строительстве СССР». По постановлению ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» ВССП, ФОСП, как и другие литературные организации, прекратили свое существование.

в них и над руководителем студии, и над друг другом. Пока длились занятия, т.е. лето 1923 г., я и некоторые участники студии (обычно раз в год) встречались частным образом; раза два-три они разыгрывали специально написанную к случаю «шерфольскую» пьесу, в которой я должен был читать роль «герцога» и т.д. После 1923 г. такие встречи стали очень редки. Последняя из них была весной 1927 г., когда была разыграна пьеска «Шептала». С тех пор (не считая пяти — если не ошибаюсь — занятий над Эредиа около 1931 г.) я со своими бывшими слушателями встречаюсь только случайно и только с двумя слушательницами чаще: одна из них работает, как и я, в Публичной библиотеке, с другой я знаком домами и бываю в ее семье раза четыре в год.

Литературный журнал этой студии «Устой» можно назвать праздной забавой, но более серьезной критики он вряд ли заслуживает.

Из обвинительного заключения по делу «Об контрреволюционных кружках и антисоветских салонах»:

- Лозинский Михаил Леонидович, гр-н СССР, ур. г. Ленинграда, 1876 г.р. (в протоколе ошибка, М.Л. Лозинский родился в 1886 г. — Авт.), потомственный дворянин, образование высшее, литератор, служащий ГПБ, беспартийный, женат, имеет 2-х детей <...> арестовывался органами ГПУ в 1927.
- а) Будучи связан с белоэмигрантскими кругами, группировал вокруг себя антисоветски настроенную литературную молодежь, намеренно воспитывая последнюю на переводных литературных образцах монархического направления;
  - б) создал из руководимой им редакционной переводческой студии, действовавшей в 1921–1923 гг. при издательстве «Всемирная литература», а/с литературный кружок «Шерфоль», входящий в систему к/р организации и ставивший себе задачей отрыв молодежи от современной советской действительности и переработку ее во враждебном пролетарской диктатуре духе;
  - в) руководил практической а/с деятельностью кружка, заключающейся в издании а/с рукописного журнала «Устой», пародирующего советскую современность, и в регулярных собра-

ниях кружка, на которых разыгрывались коллективно написанные пьесы, апологитирующие феодально-монархические устои общественной жизни, велись а/с политбеседы и пр.

...Виновным себя не признал, изобличается показаниями подследственных Владимировой и Петерсен.

В июне 1932-го жена М.Л. Лозинского Татьяна Борисовна Лозинская обратилась с письмом к Е.П. Пешковой:

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна.

Согласно выраженному Вами желанию, спешу сообщить Вам подробности о деле моего мужа. Муж мой — Михаил Леонидович Лозинский, главн. библиотекарь Публичной библиотеки и литератор-переводчик с уже многолетним стажем (главные его работы за последние годы по заказам Московского и Ленинградского ГИЗа и изд. «Академия» были: переводы Гамлета, Тартюфа, ряда стихов Гёте и двух его юношеских пьес (вошли в юбилейное изд. сочинений Гёте), автобиография Челлини (изд. «Академия» готовит сейчас второе издание, т.к. первое очень быстро разошлось), Цвейга, Ромен Роллана (роман «Кола Брюньон»)), был арестован 20 марта 1932 г. и обвиняется, как мне дали справку, по 11 п. 58 ст. В один день с ним были арестованы две его бывших ученицы (М.Н. Петерсен и Т.М. Владимирова), а за 10 дней — тоже его бывший ученик М.Д. Бронников: учились они у М.Л. Лозинского в 1920–1922 г. в семинарии по технике стихотворного перевода, организованного при Доме искусств; семинарий состоял из 6–8 лиц. Занятия прекратились в 1923 г. за недостатком времени у руководителя. Главной работой был коллективный перевод сонетов франц. поэта Эредиа, на издание которых в 1931 г. был заключен с издательством «Академия» договор; для поправок и окончательной отделки стихов к печати участники собирались 2–3 раза у нас дома осенью 1931 г. Почему был арестован Бронников, я не знаю, но поводом для ареста моего мужа после Бронникова послужили шутливые стихи участников семинария, где под разными символическими и шуточными прозвищами вос-

певались участники работ и их руководитель: стихи эти были взяты у Бронникова среди других его бумаг. Символические шуточные непонятные прозвища и намеки могли возбудить подозрение: когда мой муж в 1927 г. в числе 8 человек служащих Публичн. библиотеки был арестован, то как раз часть этих же стихов, взятых при обыске, возбудили недоумение и ряд вопросов следователя, но объяснения М.Л. Лозинского его вполне удовлетворили, т.к. муж был отпущен через две недели без обвинения. Муж мой, перегруженный служебной и литературной работой, ведет очень замкнутый образ жизни, и самая мысль об участии его в какой-либо организации совершенно невероятна и недопустима для всех хоть немного знающих его: вся его работа у всех на виду. Следствие окончено, приговор может быть скоро, и я боюсь, что дело, возникшее по недоразумению, может привести к тому, что талантливый человек будет оторван от любимого и нужного дела, которому он отдавал все силы. Если можете, помогите. Все, что я говорю, вполне точно и может быть проверено и подтверждено.

Искренно уважающая Татьяна Лозинская.
18.06.32¹⁶.

Учитывая параноидальность органов, Татьяна Борисовна подчеркнула: «Символические шуточные непонятные прозвища и намеки могли возбудить подозрение».

По счастью, в бумагах М.Л. Лозинского остались не обнаруженными при обыске яркие примеры этих «прозвищ и намеков» — веселые пародийные стихи, написанные студийцами и их руководителем еще в 1923 году, в ознаменование победного завершения работы над переводами Эредиа. По этому случаю студийцы устроили небольшой праздник, во время которого подарили Лозинскому плохонький советского производства бумажник.

¹⁶ Цит. по: Обречены по рождению. По документам фондов Политического Красного Креста. 1918–1922. Помощь политзаключенным. 1922–1937. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2004. С. 266.

ЕPIGRAMME VOTIVE

О, мэтр, прими наш дар простой и небогатый,
От сердца чистого он купно поднесен.
Да будет навсегда тебе любезен он,
Как были некогда и «пинии», и «скаты».

Вдыхая сладостно сей кожи ароматы,
Ты вспомнишь Аэллу, Пеней, Горголион.
И скажешь: «Этот год угас во мгле времен,
Четыре протекло, но пусть наступит пятый»

Тебе мы предстоим, в слезах оцепенев,
Смиренный юноша и сорок восемь дев...
Как в старину руно несли к подножью бога —

Так мы несем в сей час вечеровой,
Хотя и полный чувств, но все-таки пустой.
Бумажник та-та-та из шкуры носорога.

9 мая 1923

Студия¹⁷

Михаил Лозинский ответил студийцам сонетом:

Памятник

Я памятник воздвиг соборно-переводный,
Где слиты голоса четырнадцати фей,
И — сонма звучного счастливый корифей —
Не требую наград за подвиг благородный.

Слух обо мне пройдет от струй Невы холодной
Дотуда, где шумит классический Алфей,
И поколения восславят мой Трофей,
Как самый редкостный и самый бездоходный.

¹⁷ Личный архив И.В. Платоновой-Лозинской.

О Муза, ты одна поэту судия!
Вплетай же в мой венец цветы Эредиа:
Дрок, сатурон, глог, мак, анемон и шпажник.

И пусть Альфонс Лемерр, увидев, что вовек
Французский подлинник не купит человек,
В бессильном бешенстве похитит мой бумажник.

М. Лозинский

9 мая 1923¹⁸

Постановлением Выездной сессии Коллегии ОГПУ в ЛВО 17 июня 1932 года Лозинский Михаил Леонидович был приговорен к трем годам концлагеря условно.

Соответственно, из штата Ленинградской государственной публичной библиотеки М.Л. Лозинский был уволен на основании п. 9 ст. 47 КЗОТ. Причем уволен задним числом — 17.03.32, то есть за три дня до ареста.

И хотя через некоторое время был он по трудовому соглашению зачислен обратно — консультантом в сектор обработки для работы с Библиотекой Вольтера, — контроль над ним был неусыпным, сему свидетельством следующий документ:

18.08.1933

№ 33 / с

Лозинский Михаил Леонидович, 1886 г.р., б. дворянин, образ. высшее юридическ. и историко-филологическое, литературовед и библиограф, трудстаж — 1910 г.

Работает в Госуд. публичной библиотеке с 1914 г. в качестве главного библиотекаря; в 1933 г. ведет специальную библиографическую работу по описанию Библиотеки Вольтера.

Был за границей в 1900–1902 гг., 1905, 1909, 1911, 1912 и 1924 гг., брат с 1924 года проживает в Париже. <...> ...был арестован органами ОГПУ два раза и имеет условное осуждение.

В общественной жизни ГПБ не участвует, буржуа по происхождению, держит себя аполитично, подозрительная нейтраль-

¹⁸ Цит. по: Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1999. С. 279. (Автограф стихотворения находится в личном архиве И.В. Платоновой-Лозинской.)

ность. При использовании его как специалиста нужна политическая зоркость. <...>

и.о. директора ГПБ /Звейнек/
Зав. секретной частью /Ильвес/¹⁹

ю марта 1935 г. Михаил Лозинский вновь был уволен из библиотеки — семья его попадала в так называемый «Кировский поток» — массовое выселение дворян из Ленинграда. Но студенты I курса физического факультета ЛГУ — юные влюбленные восемнадцатилетний Никита Толстой и девятнадцатилетняя Наташа Лозинская — спешно зарегистрировали брак. Это дало основание близкому к верхам А.Н. Толстому ходатайствовать об исключении Лозинских из печального списка.

С марта 1937 г. по начало февраля 1938 г. Лозинский работал в ГПБ по договору.

Потом, в 1940-е, будет триумфальное признание, Сталинская премия за «подвиг своей жизни» (ахматовская характеристика) — бессмертный перевод «Божественной комедии» Данте. М.Л. Лозинский переводил, преодолевая физические страдания, зная, что смертельно болен...

Из дневника Л.В. Яковлевой-Шапориной (запись от 03.02.1955):

«Я сейчас вернулась с кладбища. Мы похоронили Михаила Леонидовича и Татьяну Борисовну Лозинских. От нас ушли люди такого высокого духовного и душевного строя; эта семья — видение из другой эпохи. <...>

Оглядываешься кругом и никого не видишь. Такая спаянность сердечная до самого конца, до “остатного часа”, до могилы и за могилой. <...>

“Эти похороны — легенда”, — сказал Эткинд, и он же в Союзе писателей на гражданской панихиде лучше всех охарактеризовал М. Л. и отношение к нему младшего поколения. “В жизни Михаила Лозинского не было ни одного коварного, ни одного лицемерного поступка, ни одного темного пятна”.

<...> 31 января ему впрыснули морфий, он заснул, спокойно дышал, потом перестал дышать, умер в два часа дня.

¹⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 97, оп. 2, д. 9, л. 26.

Около него были дети. Татьяна Борисовна, когда М.Л. заснул, легла отдохнуть, сказав, что у нее очень тяжелая голова. <...> Ее, спящую, перевезли в Свердловскую больницу, и вечером 1 февраля Наталья Васильевна позвонила мне: "Татьяна Борисовна скончалась". Я была совершенно потрясена. В ней была такая внутренняя чистота, тонкость, доброта. Больно, так больно, что ее больше не увидишь. <...>

Вот прожили вместе больше сорока лет и ушли вместе...»²⁰

²⁰ Шапорина Л.В. Дневник. М., НЛО, 2011. С. 284–285.

РЫЖКИНА-ПЕТЕРСЕН МАРИЯ НИКИТИЧНА Макс-Памбэ-Скуратов

Переводчица, библиотекарь и журналистка Мария Рыжкина-Петерсен была арестована в один день со своим учителем Михаилом Лозинским, всего через три дня. Почему выбор следователей по делу № 249-32, или «Делу Бронникова», пал именно на нее, остается до конца не ясным.

Мария Никитична оставила свои воспоминания, которые хранятся сегодня в Москве, в Доме русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Они-то и стали для нас основным источником сведений о ее жизни и, в частности, событиях 1932 года.

«Однажды в воскресенье я подъезжала на извозчике к дому. В санях, в ящике, находился обеденный сервиз или часть его, которую Дина (Дина и Елена — сестры М.Н. Рыжкиной. — Авт.) сочла нужным отдать мне. В самом деле, сервиз на двенадцать персон был великоват даже для ее жадности. Плохо было то, что сервиз находился еще на Кузнечном (вероятно, на Кузнечном находилась часть сервиза. — Авт.), у Елены, а зять Мамонтов был как раз незадолго перед тем арестован! За что? Уж не знаю. Когда я подъехала к дому на Васильевском, от подъезда отделился (именно “отделился”, а не отошел) какой-то тип, в тогдашней форме ГПУшников, сменившей пре-словутые гороховые пальто дореволюционных филеров: черное пальто с кроликовым воротником, черная кепка и высокие сапоги. Мне стало не по себе: вывезти что-нибудь из квартиры арестованного могло дорого обойтись. Но шпик скрылся, я управилась с моим сервизом и вернулась к Марье Оскаровне (сестра В.А. Петерсена, мужа Рыжкиной, у которой супруги жили в то время. — Авт.). Оскарыч устраивал тогда совместно с Лозинским выставку по случаю столетней годовщины смерти Гёте. Я уже к работам не привлекалась — вероятно, еще нечего

было этикировать. Материал только подготавливался. Усердие русских интеллигентов о ту пору поистине не знало границ! Ненормированный рабочий день был для них тогда почти обязательен. И вот оба устроителя сговорились прийти в воскресенье, поработать без помехи. Однако вернувшийся домой Оскарыч, сказал мне вскользь: “А Лозинского сегодня не было!” Ну не было, так не было! Что ж особенного. Справедливо пишет Солженицын, что человек, видя кругом аресты, никак не думает, что и его может постигнуть то же самое. “Меня-то за что же?” Ну вот. А ночью раздался звонок, Мария Оскаровна пошла открывать и вернулась с кратким: “Вас!” В прихожей стоял “чин”, солдат с винтовкой и управдом. Мы наскоро оделись, а “чин” подошел к телефону, набрал номер и сообщил торжествуя: “Мы их нашли!” Словно мы прятались. “Чин” был очень огорчен, узнав, что все принадлежит Марии Оскаровне, а нашего имущества здесь нет. И тут я сделала глупость, сказав: “Там в прихожей еще лежит моя сумочка!” А в сумочке находилось сразу два доказательства моей связи с заграницей: 1) Письмо моей золотой Минхен (кто такая Минхен, выяснить не удалось. — Авт.), адресованное из Ревеля Дине, в котором она спрашивала обо мне, и 2) перевод гумилевского “Слоненка” на немецкий язык, сделанный Раичкой Блох в Берлине и присланный ею О.А. Добиаш-Рождественской, которая и дала его мне на прочтение. Стало быть, примешивались к нашим преступлениям еще и чужие имена. Мысль об этом отравила мне еще более мое пребывание в одиночке. Взял “чин” и тетрадку с началом моего “труда” по истории картошки в России в беллетристической форме. Жаль, что пропал “труд” — после мне не хотелось к нему возвращаться. Да и материалов под рукой не было. “Чин” заказал машину, но она долго не приезжала, и я даже предложила ему идти пешком. Сантиментов разводить при прощании не полагалось. Я только обратилась к Марии Оскаровне со словами: “Поберегите его!”, и, обняв мужа, сказала: “Слушайся старших!”, а он, когда я направилась с моими нежелательными спутниками к двери, сказал: “Ну вот! Теперь, наконец, можно лечь спать и выспаться!” *Galgenhumor*¹ — говорят в таких случаях немцы.

¹ *Galgenhumor* — юмор висельника (нем.).

Посадили меня в машину и повезли. Что-то мелькало за окнами. Как раз попала в поле зрения библиотека и потом Симеоновский мост... Прием, одиночку и пр. описывать не стоит — они описаны тысячу раз. Гнусно было и нудно, а главное, боязнь повредить другим, в первую очередь, конечно, Лозинскому, а потом и Морицу. Я тогда не знала, что он “заговоренный”».

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА

1932 года III месяца 23 дня я, уполномоченный СПО Бузников А.В., допрашивал в качестве обвиняемой гражданку Петерсен-Рыжкину, и на первоначальном допросе она показала:

Петерсен-Рыжкина Мария Никитична, 1898 г.р., дочь купца и потомственного почетного гражданина, Ленинград, набережная Лейтенанта Шмидта, д. 7, кв. 4. Библиотекарь ГПБ, замужем, муж — Владимир Оскарович — служащий ГПБ. За границей в Ревеле проживает моя близкая знакомая Нина Федоровна Штерн, кооптировавшаяся в 1921 году, с которой я переписываюсь. Отец имел три дома на Кузнечном переулке в Петербурге и имение в 500 десятин в Московской губернии. Образовательный ценз — высшее библиотечное, беспартийная, не судима.

М.Н. Рыжкина родилась 19 февраля 1898 г. в Петербурге. Ее родовое древо уходит корнями к старообрядцам, крепостным графов Шереметевых, разбогатевшим после освобождения и ставшим купцами-миллионерами. Переехав в Петербург, Рыжкины купили несколько доходных домов в центре города и безбедно зажили своей большой семьей.

В 1906 г. родители отдали Марию Никитичну в женскую гимназию при пансионе А.А. Ставиской. В 1909 г. гимназию купил великий князь Дмитрий Константинович и переименовал в Женскую гимназию е. и. в. великой княгини Александры Иосифовны. Одновременно это учебное заведение получило все права правительственных гимназий. В 1911 г. гимназия перешла в собственность П.А. Макаровой.

В 1915 г. М.Н. Рыжкина поступила в Женский политехнический институт, но после окончания второго курса перешла на исторический факультет Петроградского университета.

Учеба доставляла Марии Никитичне истинное удовольствие, и она, несомненно, стала бы неплохим ученым-историком, однако революция 1917 г. все изменила. Имущество семьи было экспроприировано, жить стало не на что, и М.Н. Рыжкина оставила Университет, чтобы пойти работать делопроизводителем в Квартирное управление и машинисткой в Севпродуктпуть.

Служба в советских учреждениях наводила на М.Н. Рыжкину тоску, она мечтала о другой доле:

«И вот однажды, проезжая по Литейному в трамвае, я увидела на стекле вагона объявление об открытии “Литературной студии” на Литейном же, в доме Мурузи. Были перечислены и предметы, и имена лекторов, и я подумала: “Чем черт не шутит!” <...> И так однажды вечером прекрасного летнего дня пошла я в этот самый дом Мурузи. Слушала я главным образом Гумилева и Чуковского, творения которых мне были знакомы. Лекции читались в помещении бывшей детской, на стенах висели еще картинки (приложения к “Задушевному слову”?) и какие-то роскошные издания Вольфа еще лежали на подоконниках. Эта обстановка была в свое время забавно описана Елизаветой Григорьевной Полонской, равно как и сам лектор Гумилев, сидевший преимущественно на столе и вертящий в пальцах папиросную коробку. Хотя он и уверял, что может из любого человека сделать поэта, а из любого поэта — хорошего, вопрос этот для меня оставался спорным. Определенного плана у нашего лектора очевидно не было. Он производил какие-то эксперименты и с увлечением говорил о французских романтиках Гюго, Мюссе и прочих, которыми он, может быть, занимался в свое время в Университете и теперь пользовался своими университетскими записками. <...>

Между тем студию перенесли в Дом искусств, на углу Мойки и Невского. Ну, тут было повольтоннее и как-то дружнее. Давали концерты, устраивались вечера поэтов, читались доклады. <...>

Однажды в Доме искусств был назначен концерт Шопена, и я очень хотела его послушать. По ошибке или потому, что просто пришла на час раньше, я, ища себе пристанища, решила зайти в семинар “Художественного стихотворного перевода” Лозинского. Вошла. За столом сидел очень высокий, плотный,

широколицый руководитель семинара М.Л. Лозинский. Перед ним — три-четыре слушательницы. Переводили стихи Эредиа, о котором я никогда не слыхала, а когда услышала, то замерла как очарованная. <...> Мне нравились стихи, мне нравился метод: участники предлагали свои варианты, которые лектор обсуждал, и наконец, мне нравился сам лектор, обладавший каким-то только ему свойственным шармом. <...> Студия поглотила меня целиком. Забежав домой, поев пшенной каши на воде или съев свою порцию воблы, я бежала в Дом искусств. Гумилев, Чуковский, по вторникам и четвергам переводы у Лозинского, а потом итальянский язык у его брата Григория Леонидовича Лозинского по средам и пятницам. Помимо этого, были еще какие-то клубные вечера только для студийцев, на которых мы пили чай из неведомой травы, ели хлеб с повидлом, сочиняли буриме и сатиры, представляли шарады и вообще действовали, как говорится, кто во что горазд...»

В 1920 г. М.Н. Рыжкина сделала попытку вернуться на кафедру Средних веков исторического факультета. По совету своей подруги по переводческой студии Раисы Ноевны Блох она стала заниматься историей средних веков под руководством О.А. Добиаш-Рождественской — выдающегося медиевиста, ученого европейского масштаба, первой женщины, защитившей в России докторскую диссертацию по всеобщей истории. По предложению Ольги Антоновны М.Н. Рыжкина начала писать работу о Первом крестовом походе и о деятельности папы Урбана II.

«Надо было на основании четырех сохранившихся латинских хроник изложить это дело по моему разумению. Моих знаний латинского хватало для этого предприятия. И я принялась. Как подсобный материал была дана мне еще какая-то статья Добиаш, и я с удовольствием отметила, что она приписывает цитату одного монаха — другому... Находка! Но моя попытка посвятить себя Средним векам так и остановилась на Крестовом походе».

Поняв, что по-прежнему не может совмещать учебу со службой, М.Н. Рыжкина окончательно ушла из Университета.

В том же 1920 г. она получила неожиданное предложение от К.И. Чуковского занять место его секретаря.

«Судьба готовила мне новое поле деятельности: секретарство у Корнея Чуковского. Он благоволил ко мне, и мы нередко зубоскалили с ним и в доме Мурузи, и в Доме искусств. Секретарей у него в ту пору переменялось великое множество. Был секретарем Михаил Слонимский, столь же тощий, как его талант, был, кажется, и Николай Никитин, был и Илья Зильберштейн (впоследствии секретарь Щеголева). <...> Договорились мы с моим новым работодателем скоро, и я на другой день приступила к моим обязанностям. Жил Чуковский на Кирочной улице на углу Манежного переулка, имел жену и четверых детей. Обязанности мои были многообразны, и я, в шутку, именovala себя «секретарем с мелкой стиркой». Ну, до этого дело не доходило, но присмотреть за Мурочкой — младшей дочкой, мне поручалось не раз. Приходилось иной раз кое-что переписывать на машинке, а главное — гонять во все концы города на манер рассыльного. О ту пору Корней был по преимуществу детским писателем, написал «Мойдодыра», которого должен был иллюстрировать Юрий Анненков. Последнему я с первого взгляда приглянулась, и он потом осведомился у Корнея: «А эта барышня не купеческого звания?» — и попал в точку. Потом он даже вроде как попытался «соблазнить меня» и свел в кафе на Литейном, но скоро раздумал: уж очень я была не осведомлена в новой живописи и не сексапильна — тюфяк тюфяком! К тому же и супруга его Елена Борисовна держала его в строгости. <...>

Приходилось мне по поручению Чуковского посещать и других интересных людей. Была у Добужинского, была и у Чеховина, но постеснялась попросить их «нарисовать мне птичку». Была у сенатора Кони, ветхого деньми, но еще выступавшего с докладами о былых временах. В студии ходила шутка: «Сенатор Кони выступит с докладом «Всемирный потоп по личным воспоминаниям»». <...> Бегала я с рукописями Корнея на Галерную, к какому-то издателю по фамилии Беленький. Корней перекроил тогда свою статью о футуристах, смягчив в ней многое, ибо футуристы были тогда в почете. А жаль! Первая редакция была куда хлестче. Не скажу, чтобы у меня дело с моим работодателем шло всегда гладко. Иной раз он ругал меня «попона», а главное — не платил денег. «Памбочка (о прозвище

Рыжкиной Памбэ см. дальше. — Авт.), Вам очень нужны деньги?" — спрашивал он меня иной раз умильно, а я думала: "Отец семейства. Четверо детей. Могу и подождать". Я ждала, что расстраивало мой бюджет.

Кончилась моя секретарская деятельность у него крупным скандалом на Рождестве 1922 года».

Новый секретарь не был таким безотказным, и в дневнике Чуковского появилась горькая надпись: «С тех пор, как от меня ушла Памба, моя работа застопорилась»².

В знаменитой «Чукоккале» сохранилась запись шуточного стихотворения М.Н. Рыжкиной:

КОЛЫБЕЛЬНАЯ (ДОПОТОПНАЯ)

Заслоняет горизонт
Нам сегодня мастодонт;
У пещеры поперек
Развалился диплодок;
Словно парюю литавр,
Лязгнул пастью бронтозавр.
Все желают одного —
Слопать сына моего.
Я им сына не отдам:
Я три дня не кушал сам³.

В своем «Дневнике» Чуковский записал такой небезынтересный случай, связанный с М.Н. Рыжкиной:

«Была у меня секретарша Памбэ (Рыжкина). Она отыскала где-то английскую книжку о детенышах разных зверей в зоопарке. Рисунки были исполнены знаменитым английским анималистом (забыл его имя). Памбэ перевела эту книжку. <...> Увидел книгу Памбэ Маршак. Ему очень понравились рисунки, и он написал к этим рисункам свой текст — так возникли "Детки в клетке", в первом издании которых воспроизведены рисунки по английской книге, принесенной в издательство

2 Чуковский К.И. Дневник. 1922–1935. М., 2011. С. 34.

3 Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1999. С. 212.

Рыжкиной-Памбэ, уверенной, что эти рисунки будут воспроизведены с ее текстом»⁴.

Весной 1921 г. в Петрограде начал выходить юмористический журнал «Мухомор». М.Н. Рыжкина решилась послать туда несколько своих стихотворений. Подписалась она своим еще гимназическим прозвищем: Памба. Объясняется это тем, что в юные годы она увлекалась Киплингом, а у него одно стихотворение начинается словами «Толстый Памба, жирный Памба», ну а М.Н. Рыжкина была тогда весьма корпулентной девушкой. К ее большому удовольствию, стихи журнал принял, и это была ее первая публикация. Правда, в журнале перепутали последнюю букву псевдонима и подписали их именем Памбэ. Именно такое написание прозвища — Памбэ — Рыжкина и будет использовать дальше в качестве псевдонима, в том числе и в кружке Лозинского.

Изнывая от бремени службы в многочисленных советских учреждениях, М.Н. Рыжкина искала себе более подходящую работу. Одно время она устроилась учителем математики в школе для военных и библиотекарем в другое военное учреждение. И вот наконец той же весной 1921 г. ей повезло: благодаря протекции М.Л. Лозинского ее взяли в только что образованную Комиссию по национализации книжных запасов при Центропечати.

«В эту Комиссию ежедневно свозили на грузовиках книги из бесхозных, то есть эмигрантских квартир, из национализированных книжных магазинов, из пустующих дворцов и прочее, и прочее. Разбирали их, работая по совместительству, многие сотрудники Государственной публичной библиотеки и других библиотек. Занимался этим и Лозинский. Присоединилась к этому делу и я. Но не на складе, а в качестве “разъездного агента” с удостоверением и печатью, уполномочивающими меня обнаружить все бесхозные библиотеки, опечатать их и передавать Комиссии».

Примерно в это же время М.Н. Рыжкина получила свой первый заказ на прозаический перевод для издательства «Всемирная литература». Она работала с большим рвением, осо-

4 Чуковский К.И. Дневник 1936–1969. М., 2011. С. 495.

Полномочное Представительство
Объединенного Государственного Политического Управления в
СЕКРЕТНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Экз. № _____

Сов. секр

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по следственному делу № 249 — 32

О контр-революционной организации фашистских
дежных кружков и с/с литературных салонов

14.05.13. Погреб

Обложка обвинительного
заключения
по «Делу Бронникова».

ЛЕНИНГРАД
май — 1932 г.

г/ путем культивирования в к.р. организации традиций монархизма и дворянской знати

3. В сколачивании членами организации антисоветской ячейки в 115 зенитном артиллерийском полку с целью разложения красноармейской массы и подрыва боеспособности Красной армии.

4. В шпионской деятельности отдельных членов организации /салон МООР/.

5. Устроении спиритических сеансов, черных магов и иных мистико-спиритуалистических действий.

По данному делу в качестве обвиняемых привлечены

- 1/ БРОНИКОВ, Михаил Дмитриевич,
- 2/ ВЛАСОВ, Василий Андрианович,
- 3/ ШУПЦЕ, Георгий Николаевич,
- 4/ РЕЙСЛЕР, Александр Владимирович,
- 5/ АЗБЕЛЕВ, Павел Петрович,
- 6/ ЛАСКЕЕВ, Борис Федорович,
- 7/ РЕМЕЗОВ, Михаил Николаевич,
- 8/ ЕФИМОВ, Николай Николаевич,
- 9/ КРЮКОВ, Алексей Алексеевич,
- 10/ ВОЛКОВ, Дмитрий Васильевич,
- 11/ МООР, Любовь Юльевна,
- 12/ МООР, Вильям Рудольфович *х/умер сир. семье.*
- 13/ БРУНИ, Георгий Юльевич,
- 14/ ВЕРХОВИЦКИЙ, Глеб Дмитриевич,
- 15/ НАУМОВА, Вера Кирилловна -

х/ МООР, Вильям Рудольфович умер в ДПЗ от приступа хронического заболевания уретры.

- 16/ ПЕСТИНСКИЙ, Борис Николаевич,
17/ НАУМОВ, Павел Семенович,
18/ БИЛИБИНА, Татьяна Владимировна,
19/ ШУЛЬГОВСКИЙ, Николай Николаевич,
20/ ЛОЗИНСКИЙ, Михаил Леонидович,
21/ ПЕТЕРСЕН-РЫШКИНА, Мария Никитична,
22/ ВЛАДИМИРОВА, Татьяна Михайловна,
23/ ПЕТКЕВИЧ-ПИЛЬЦ, Елеонора Иосифовна.

х х
х

РАЗДЕЛ I-й.

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ И ПОЛИТХАРАКТЕРИСТИКА ЧЛЕНОВ К.-Р. ОРГАНИЗАЦИИ.

Страницы «Дела Бронникова»,
на которых перечислены имена обвиняемых.

К.-р. организация литераторов и искусствоведов включавшая выше упомянутые а/с кружки и салоны по социальному составу представляет одну основную классовую группу: ПОТОМСТВЕННЫХ ДВОРЯН, ПОМЕЩИКОВ, КРУПНЫХ СОБСТВЕННИКОВ И ИХ ДЕТЕЙ.

Следствием установлено, что активные антисоветские устремления и политические взгляды членов организации в целом росли под влиянием:

а/ ПОТЕРИ в связи с революцией КРУПНЫХ НЕИМУЩЕСТВ И ДЕНЕЖНЫХ КАПИТАЛОВ И ЛИШЕНИИ классовых служебных ПРИВИЛЕГИЙ.

б/ УЩЕМЛЕНИЯ К.-Р. ЭЛЕМЕНТА ПОЛИТИКОЙ ПАРТИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К БУРЖУАЗНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И МЕРОПРИЯТИЯМИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОБЛАСТИ ПЕЧАТИ.

в/ РОДСТВЕННОЙ СВЯЗИ некоторых членов орг

Сотрудники издательства «Academia». 1 января 1927 г. Фото М. С. Наппельбаума. Фонд Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме, Санкт-Петербург. *Нижний ряд:* Семен Алексеевич Тимошенко (кинорежиссер), Константин Николаевич Державин (историк литературы), Яков Александрович Кроленко (зав. московским отд. изд-ва), Николай Павлович Акимов (художник), Федор Семенович Садовский (технич. сотрудник), Эдуард Александрович Старк (лит. редактор и корректор), Геннадий Петрович Соколов (работник склада), Михаил Дмитриевич Бронников (сотрудник киносекции). *Второй ряд:* Александр Васильевич Донцов (управл. делами ГИИИ), Борис Васильевич Казанский (литературовед, профессор), Виктор Максимович Жирмунский (литературовед, председатель ЛИТО ГИИИ), Всеволод Николаевич Всеволодский-Гернгросс (театровед), Николай Эрнестович Радлов (художник, искусствовед), Александр Александрович Кроленко (директор изд-ва), Михаил Леонидович Лозинский (переводчик), Федор Иванович Шмит (директор ГИИИ, искусствовед), Яков Антонович Назаренко (зам. дир. ГИИИ, литературовед), Алексей Александрович Гвоздев

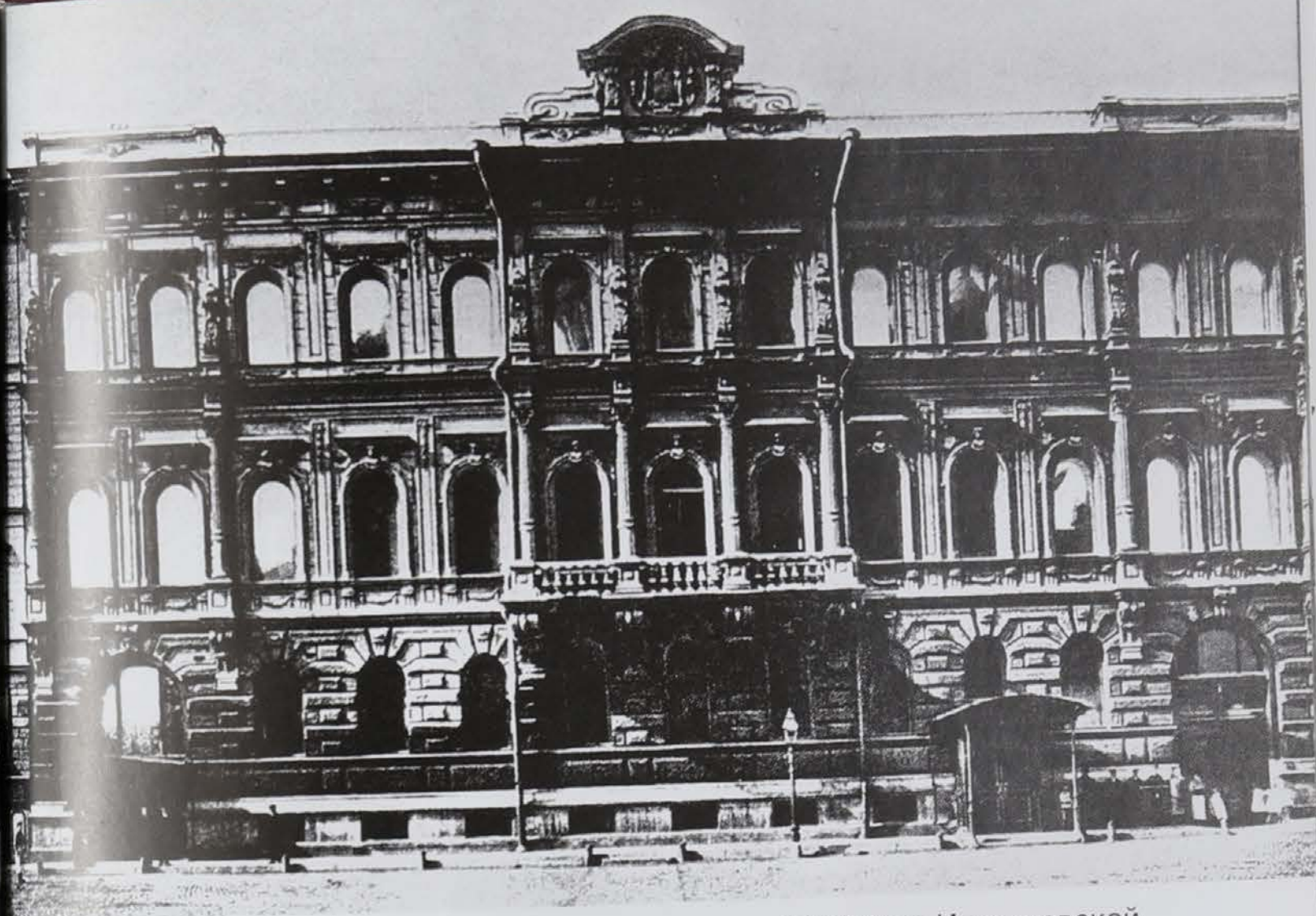
(театровед, председ. ТОО ГИИИ), Имант Георгиевич Фрейман (профессор радиотехники), Всеволод Александрович Рождественский (переводчик). Третий ряд: Надежда Константиновна Шведе-Радлова (художник), Владимир Пантелеймонович Грачев (музыковед), Мария Александровна Смирягина (сотрудник моск. отд.), Полина Александровна Александрова (секретарь-машинистка), Исидор Михайлович Клейнер (театровед), Александр Александрович Смирнов (литературовед, переводчик), Михаил Алексеевич Кузмин (поэт, переводчик), Людвиг Людвигович Мильх (бухгалтер), Владимир Федорович Динзе (редакц. работник), Григорий Михайлович Любарский (художник), Марта Гавриловна Строд (кассир), Любовь Александровна Рождественская (сотрудник изд-ва), Борис Аполлонович Кржевский (литературовед, редактор), Дмитрий Александрович Ершов (сотрудник магазина), Алексей Васильевич Бовин (помощник бухгалтера), Адриан Антонович Франковский (переводчик, редактор), Алексей Васильевич Смирнов (кладовщик), Стефан Стефанович Мокульский (театровед), Александр Леонидович Слонимский (литературовед).

Государственная публичная библиотека (сейчас — Российская национальная библиотека) в Ленинграде. 1930-е гг.

Вверху: здание со стороны Невского проспекта. Внизу: читальный зал.

Государственный институт истории искусств (ГИИИ) на Исаакиевской площади. Вверху: фасад ГИИИ в 1930-е гг.
Внизу: мемориальная доска (фрагмент) в наше время.

ЭТОТ ДОМ, СТАВШИЙ, БЛАГОДАРЯ
В. П. ЗУБОВУ, ЦЕНТРОМ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ
ХРАНИТ ДУХ ВСЕХ, КТО В НЕМ БЫВАЛ
И РАБОТАЛ:

Н. АКИМОВ. Н. АЛЬТМАН. Б. АСАФЬЕВ. А. АХМАТОВА.
М. БАХТИН. А. БЕНУА. Н. БЕРБЕРОВА. А. БЛОК. М. ВОЛО-
ШИН. С. ГЕРАСИМОВ. А. ГЛАЗУНОВ. А. ГВОЗДЕВ. Н. ГУМИ-
ЛЕВ. С. ЕСЕНИН. В. ЖИРМУНСКИЙ. Н. ЗАБОЛОЦКИЙ.
Е. ЗАМЯТИН. А. ЗАРХИ. М. ЗОЩЕНКО. В. КАВЕРИН.
Н. КЛЮЕВ. Г. КОЗИНЦЕВ. М. КУЗМИН. Д. ЛИХАЧЕВ.
М. ЛОЗИНСКИЙ. А. ЛУНАЧАРСКИЙ. К. МАЛЕВИЧ.
О. МАНДЕЛЬШТАМ. С. МАРШАК. В. МАЯКОВСКИЙ.
В.С. МЕЙЕРХОЛЬД. С. МОКУЛЬСКИЙ. И. ОДОЕВЦЕВА.
С. ОДЕРСКИЙ. И. ОДЕРСКИЙ. Б. ПASTERNAK. А. ПИЕТРОВСКИЙ.

Вверху: Михаил Бронников. Фрагмент фотографии сотрудников издательства «Academia».
Внизу: дом М. Бронникова, где шли занятия его кружков и откуда его увезли в тюрьму.
Васильевский остров, 10-я линия, д. 25, кв. 3.

Вверху: табличка с номерами квартир, сохранившаяся до наших дней на доме Бронникова.

Внутренний двор и лестница в доме 25 по 10-й линии Васильевского острова.

Николай Лапшин, Татьяна Шишмарева,
Георгий Шуппе. Ленинград, 1935 г.
Фото из архива Г. П. Ивановой.

Татьяна Шишмарева
и Василий Власов. 1930-е гг.
Фото из архива Г. П. Ивановой.

Дом, где находилась квартира Шишмаревой и Власова.
Васильевский остров, 1-я линия, д. 20, кв. 32.

Семья Волковых. Вверху (стоит, с галстуком) — Всеволод, внизу (сидит) — его брат-близнец Олег. Справа от Олега (сидит) — их младший брат Дмитрий Волков. Пудышево, 1914 г. Фото из архива Вс. О. Волкова.

Михаил Ремезов. 1920-е гг.
Фото из личного дела
студента ГИИИ. Из фонда ЦГАЛИ.

Николай Ефимов. Сер. 1960-х гг.
Фото из личной карточки
в Союзе кинематографистов.

Павел Азбелев. 1920-е гг.
Фото из архива П. П. Азбелева.

Обложка стихов Павла Азбелева
с посвящением матери.
Фото из архива П. П. Азбелева.

Борис Пестинский. Автопортрет (фрагмент). 1930-е гг.

Борис Пестинский. 1930–1940-е гг.

Групповая фотография кафедры философии права Петербургского университета, которой руководил Л. М. Петражицкий (шестой слева в нижнем ряду). Второй справа от него — Николай Шульговский. 1904 г.

Татьяна и Михаил Лозинские с дочерью Наташей. 1920-е гг.
Фото из архива М.Н. Толстого.

Михаил Лозинский. 1920-е гг.
Фото М. С. Наппельбаума.
Фонд Музея Анны Ахматовой
в Фонтанном доме, Санкт-Петербург.

Дом, где жила семья Лозинских
и собирался его кружок.
Ул. Красных Зорь, д. 73-75, кв. 26.

Михаил Лозинский с детьми Сергеем и Натальей.
1940-е гг. Фото из архива М.Н. Толстого.

Вильгельм Моор. 1900-е гг.
Фото из архива В. П. Барабанова.

Любовь Зубова-Моор. В сценическом костюме. 1910-е гг.
Фото из архива Н. В. Лукиной.

Александр Зеленецкий, сын Л. Зубовой-Моор от первого брака. 1920-е гг.
Фото из архива Н. В. Лукиной.

Любовь Зубова-Моор. 1950-е гг.
Фото из архива Н. В. Лукиной.

Дом Мооров. Васильевский остров,
9-я линия, д. 34, кв. 5.

С.С.С.Р. ЕР-2. 4-й отд. С.П.О. III ОГПУ в Л.В.О.

ОБЪЕДИНЕННОЕ ПОЛНОМОЧИЕ

ОДПЗ-2 III ОГПУ в ЛВО сообщает, что нахо-
дя на извлечении в б-це ДПЗ л/св. МООР Вильям Ру-
фович, числящийся за Вашим отделом, 66-ти лет
ду, арестованный 13/III-32 г. скончался 26/III-32
паралича сердца в 22 час. 45 мин.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Копии - акт и справка деж. в/

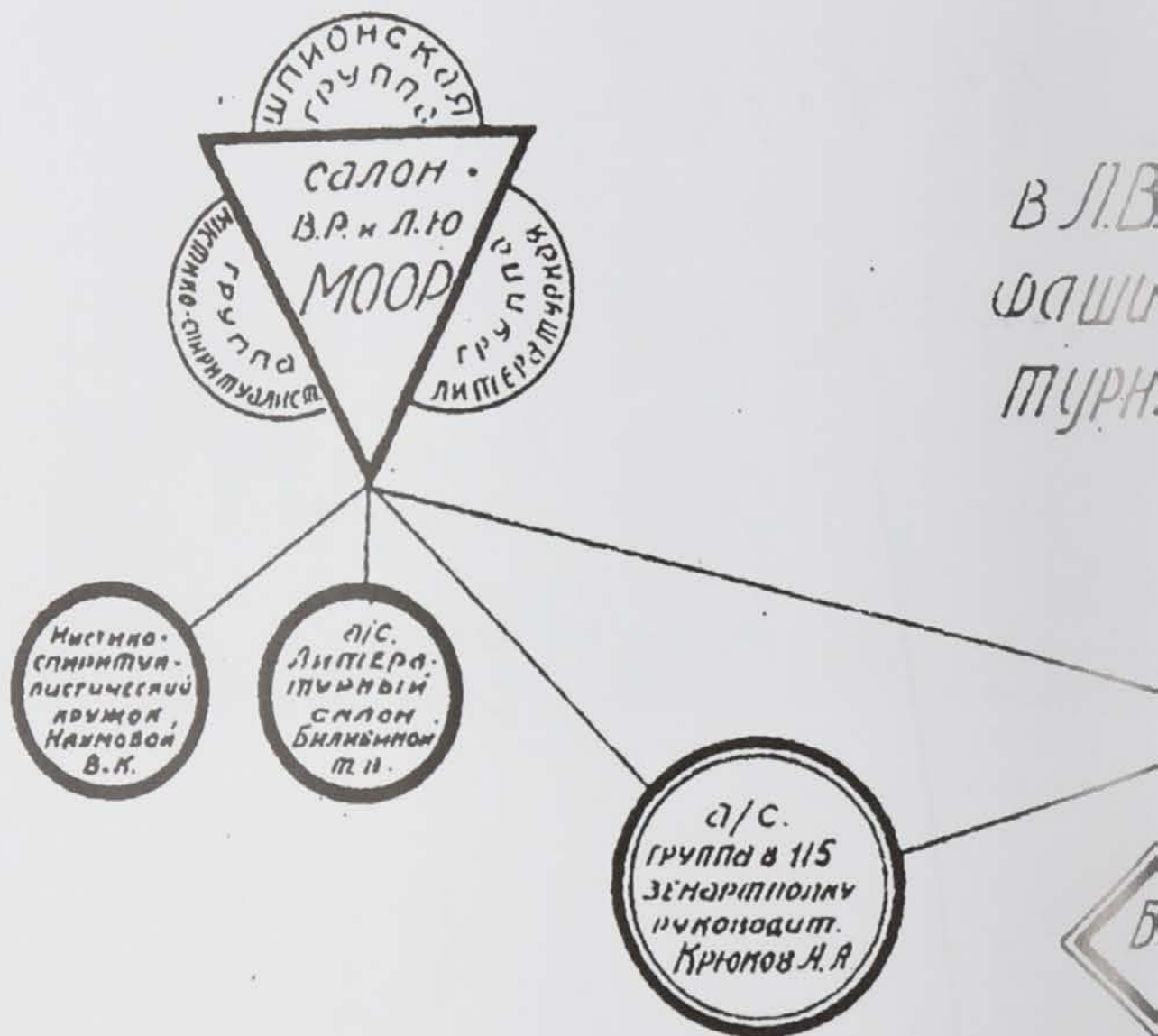
ПОМ НАЧ ОДПЗ-2 /ТРУМПИТ/
ДЕЛОПРОВОДИТЕЛЬ /ПЕТРОВ/
2.7 МАР 1932

27/III 132
746

наб. д. 5.
Телефон 6-10-10

Справка о смерти В. Моора.
1932 г.

Утверждаю
Нач. С.П.О.: (Горин) *Горин*

Ф А Ш И С Т - С - К И - Е М О

ДИСКЛУБ,

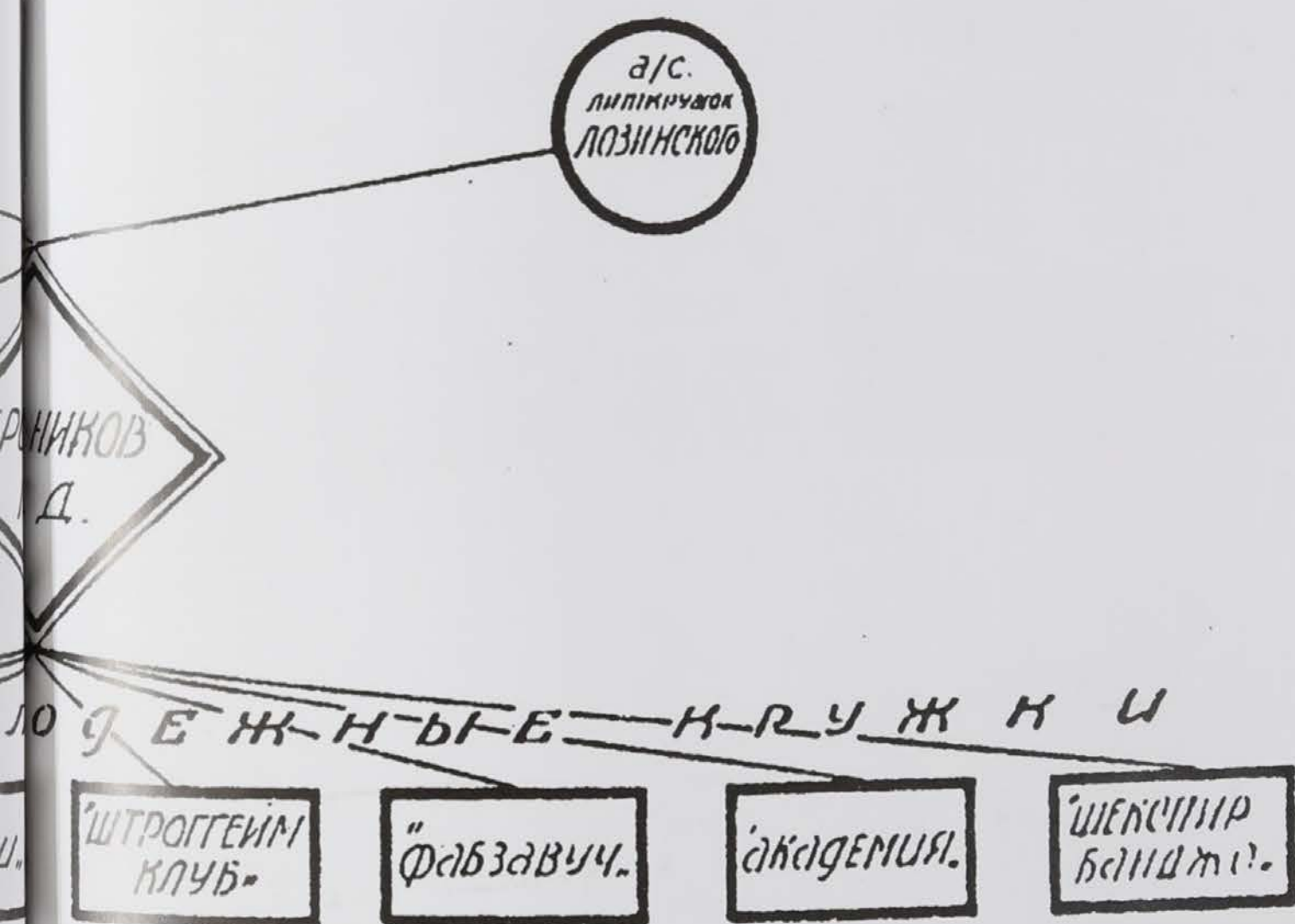
БЕЗЫМЯННЫЙ КЛУБ,

БОДЛЕРОВСКАЯ АКАДЕМИЯ,

БАНДА

Сов. Секретно

схема ликвидированной П.П.ОГПУ
20/III 1932 г. КОНТР-РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
СКИХ МОЛОДЕЖНЫХ КРУЖКОВ И а/с. ЛИТЕРА-
СЛОНОВ.

Нач. IV отделения СПО/Москвич
(Москвич)

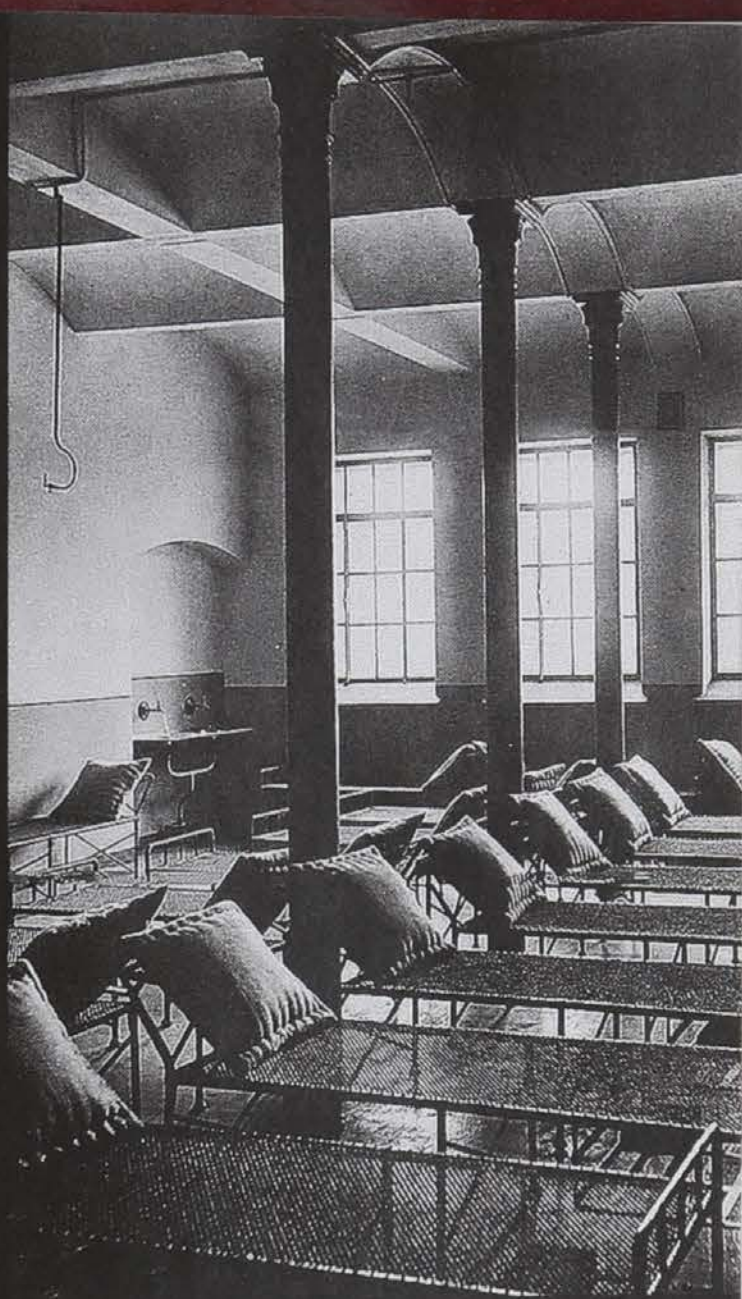
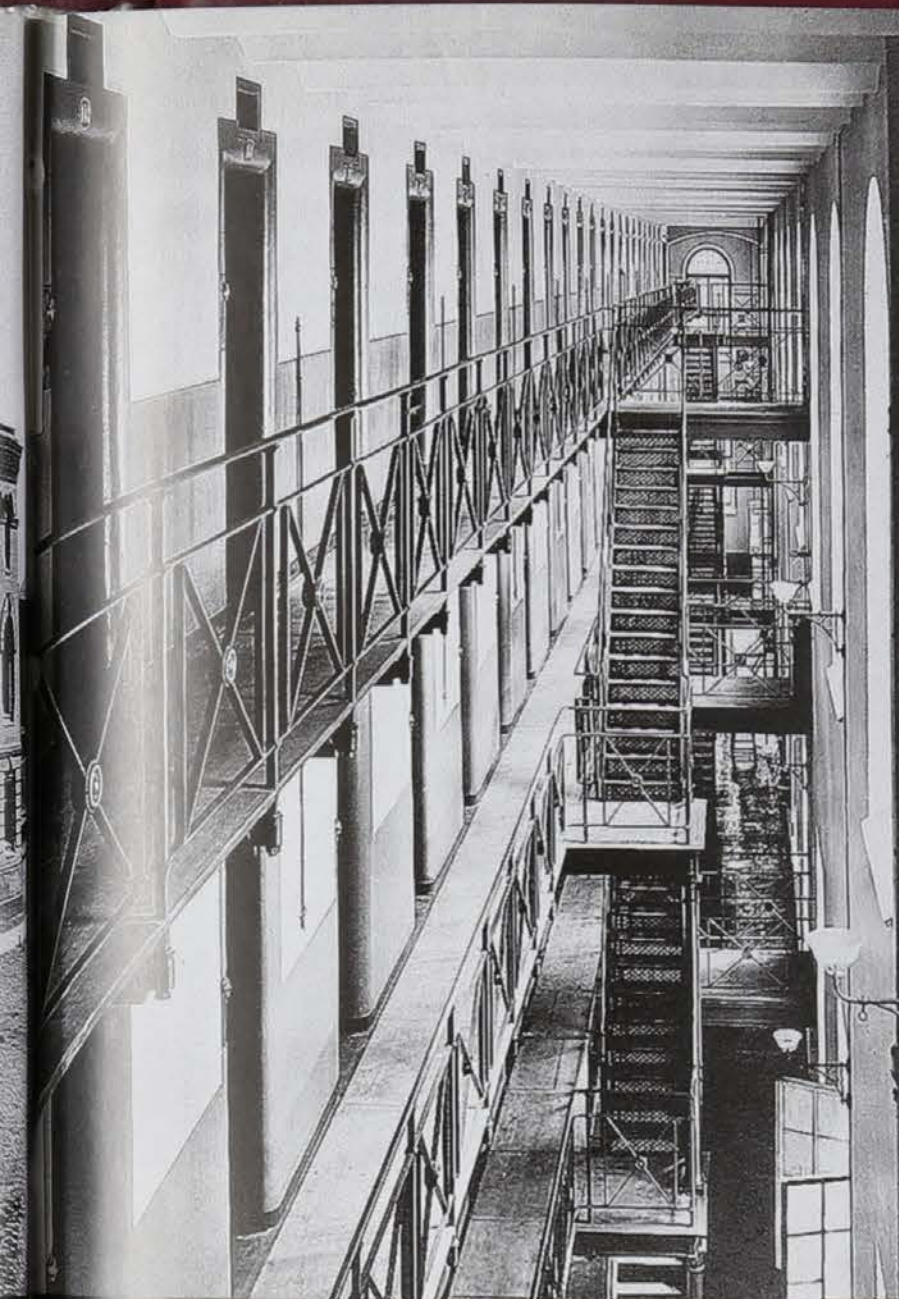
Уполномоченный
(Бронников)

Схема кружков, подшитая к «Делу Бронникова».

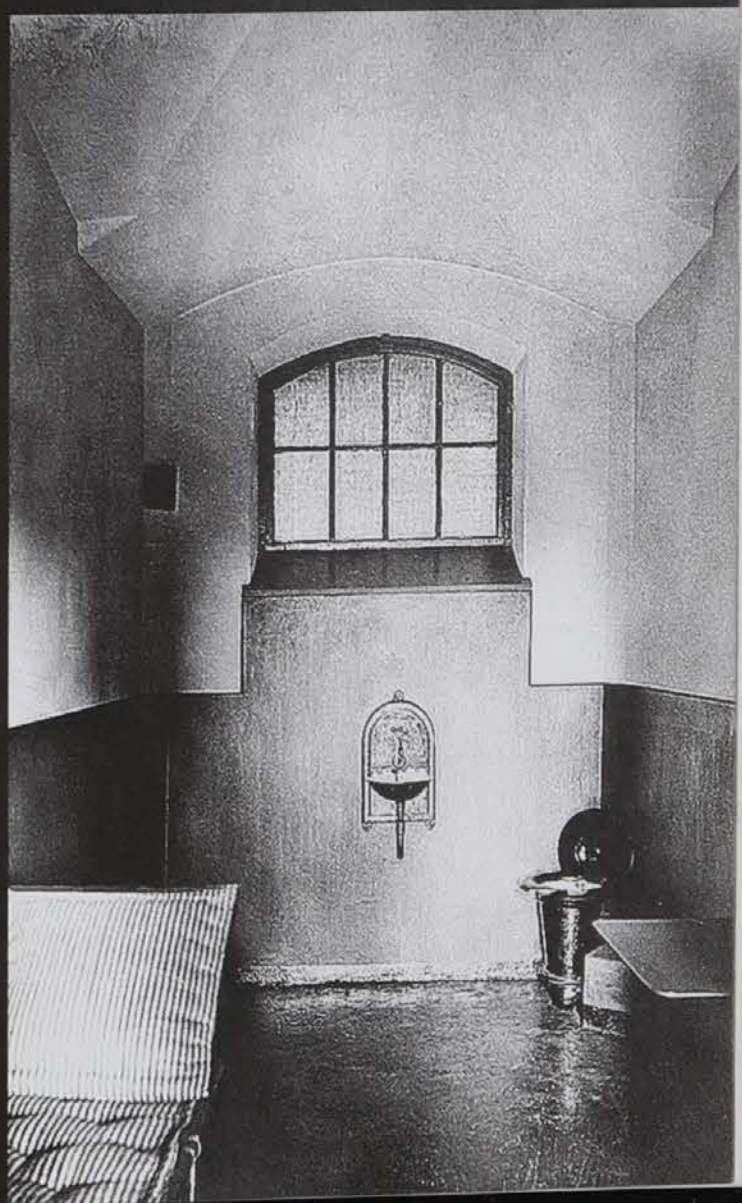
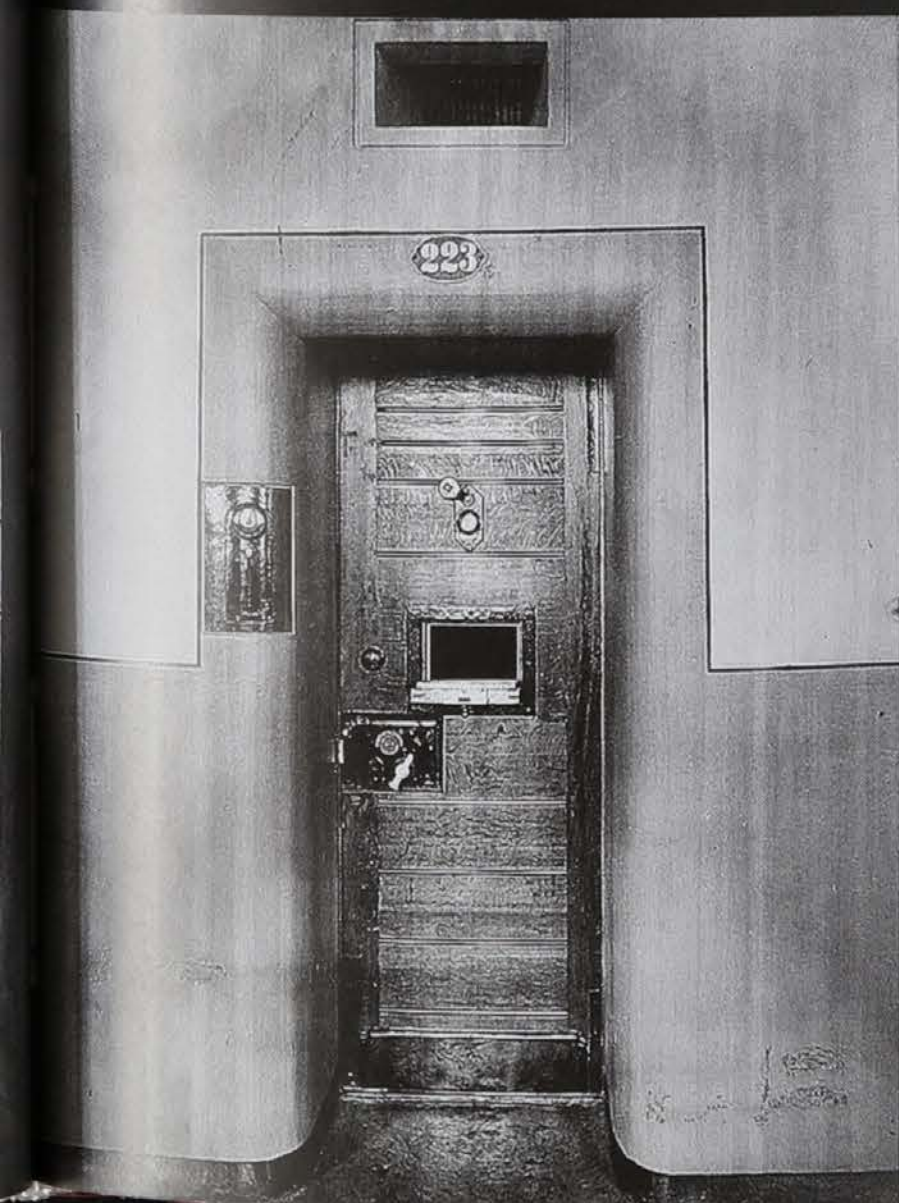

Дом предварительного заключения на ул. Шпалерная, д. 25.
Фасад со стороны ул. Захарьевская и внутренний двор.

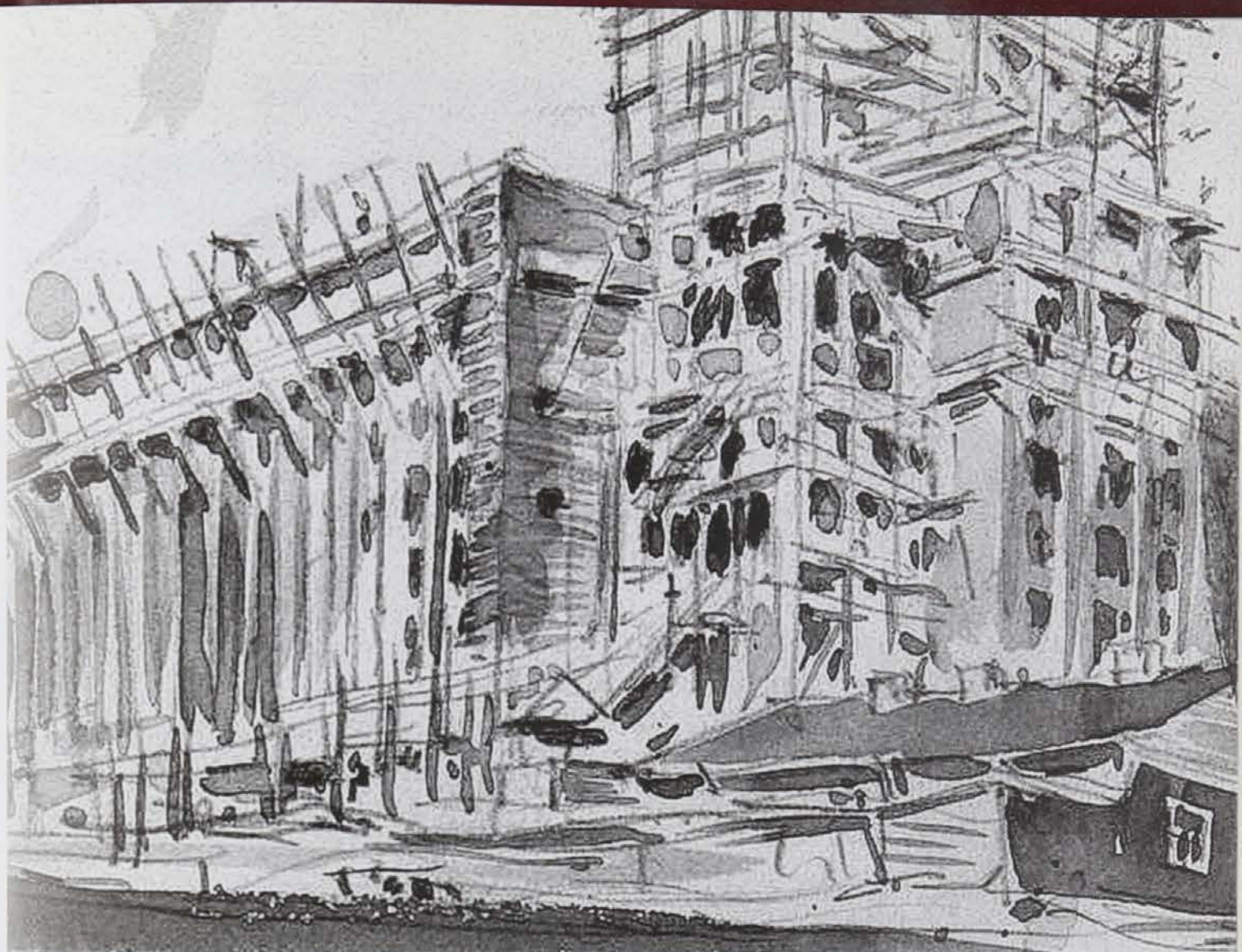
Вверху: галереи в мужском отделении предварительного заключения и камера ночного пребывания. Внизу: дверь камеры одиночного заключения и сама камера. Дореволюционные фотографии.

Вверху: дом ВЧК-ОГПУ на ул. Гороховая, д. 2. Ныне — Музей истории политической полиции России XIX–XX вв. Дореволюционная фотография.
Внизу: сотрудники Ленинградского отделения НКВД. 1920-е гг.

Вверху: строительство Большого дома — ОГПУ-НКВД на Литейном пр., д. 4. Рисунок Н. Е. Лансере. Внизу справа: следователь А. Бузников. Конец 1940-х гг. Фото из личного дела. Архив Комитета по образованию г. Санкт-Петербурга.

Юбилейный знак ОГПУ 1917–1927 гг.

СЛУЖЕБНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

подполковника запаса БУЗНИКОВА Алексея Владимировича

Подполковник БУЗНИКОВ А.В., год рождения 1907, национальность русский, образование высшее. Член КПСС с УП-1948 г. Служил в Центральном Картографическом Производстве ВМФ с 1/1950 г. по IX-1955 г. на различных руководящих должностях. Последняя должность - начальник отделения оформления морских навигационных карт. В упомянутом отделении имел под своим руководством значительное число сотрудников, главным образом молодежи, среди которой пользовался авторитетом и уважением. Одновременно в 1950 и 1952 г.г. принимал активное участие в подготовке молодых кадров картографов, являясь ответственным по подготовке кадров по ЦКП ВМФ, а затем преподавателем истории КПСС на курсах производственного обучения картографов.

В настоящее время также продолжает внештатную преподавательскую работу на этих курсах. В процессе подготовки и обучения молодежи показал себя умелым и вдумчивым воспитателем и преподавателем. Систематически и последовательно работал над повышением своего общеобразовательного и политического уровня. Обладает организаторскими способностями. Дисциплинирован. Тактичен. Морально устойчив. В быту скромный. Партийные поручения выполнял аккуратно и инициативно со знанием дела. Руководил и консультировал группы сотрудников ЦКП, самостоятельно занимающихся изучением истории СССР и диалектического материализма. Выступал с докладами на теоретических конференциях и собраниях.

Участник Великой Отечественной войны. Всю войну прослужил в действующих частях и принимал участие в боевых операциях. За отличное выполнение заданий командования и безупречную службу награжден орденами: "Красное Знамя", "Отеч. войны 1 степени", "Отеч. войны 2 степени", двумя орденами "Красная Звезда", медалью "За боевые заслуги" и другими медалями.

В сентябре 1955 г. уволен в запас по болезни с правом ношения военной формы одежды.

Характеристика выдана для представления в Ленгорено.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА ЦЕНТРАЛЬНОГО

Службная
документ

КАРТПРОИЗВОДСТВА ВМФ

подпись

/БАРРИСОН/

"29" ноября 1955 г.

Характеристика из личного дела подполковника А. В. Бузникова.
Архив Комитета по образованию г. Санкт-Петербурга.

бенно потому, что роман написан рифмованной прозой и ей казалось важным передать не только содержание, но и форму этого произведения. Однако перевод оказался испорчен редактором пушкинистом Н.О. Лернером, который уничтожил все рифмы. Редколлегия издательства с большим трудом удалось уговорить М.Н. Рыжкину закончить работу, но она согласилась сделать это только при условии, что книга выйдет под псевдонимом переводчика — М. Елагина.

Переводческая работа во «Всемирной литературе» была необходима Марии Никитичне, как воздух, иначе жизнь казалась ей невыносимо скучной. Тем более что как раз тогда студия закончила перевод сонетов Эредиа.

«Наше издательство (Госиздат или Академия?) неожиданно отказалось печатать наши переводы. Причина: оказалось, что Олерон-Глушков, в прошлом соратник Ленина, когда-то в ссылке перевел и “Трофеи”, и “Завоевателей золота”, и “Романсеро”. Ему было, конечно, отдано предпочтение, и мы разошлись несолоно хлебавши. <...> Кончилась целая эпоха наших жизней. То, что она может отзываться таким громким эхом в 1932 году, и в голову не приходило».

Действительно, в жизни М.Н. Рыжкиной кончилась целая эпоха, зато началась другая, не менее важная. По рекомендации В.А. Чудовского ее приняли на службу в Публичную библиотеку.

«Публичная библиотека! — пишет она в “Мемуарах”. — У ее порога играла я ребенком с Тузиком и санками, а на меня, может быть, поглядывал из окна Иван Афанасьевич Бычков, просидевший тогда уже двадцать лет на своем месте в Рукописном отделении... Помню, какое необыкновенное впечатление произвели на меня залы, когда учительница русской литературы Боровкова-Майкова водила нас, пятиклассниц, на экскурсию и как я на следующем уроке заявила, что буду непременно ходить туда и была разочарована ответом, что учеников средних заведений туда не пускают! А потом, студенткой, сиживала и в читальной зале, и в Русском отделении... И вот теперь стать сотрудницей (научной или хотя бы полы подметать! но быть обладательницей всех 5 000 000 томов!!!)».

21 ноября 1923 года Чудовский отвел М.Н. Рыжкину к главному библиотекарю Русского отделения, выдающемуся библи-

отекарю, библиографу и филологу В.И. Саитову. Проработав рядом с ним целый год без жалования, но обучившись нехитрому библиотечному делу, она была переведена в штат: сначала в читальный зал, а потом в отдел комплектования. В ГПБ М.Н. Рыжкина приобрела настоящих друзей: А.Д. Люблинскую, Н.В. Гуковскую, А.И. Доватура и многих, многих других. Легендарный сотрудник библиотеки И.А. Бычков обучал ее работе с рукописями, А.Н. Римский-Корсаков, сын композитора, посвящал в тайны богатейшего нотного собрания, А.А. Ларонд учил сложному, но захватывающе интересному библиографическому делу.

Вскоре у М.Н. Рыжкиной появился свой, уже хорошо знакомый участок работы. Она перешла в отдел комплектования, где ей поручили разбирать поступившие в фонды реквизируемые библиотеки Государственной думы, богатейшую библиотеку профессора-юриста, поэта и литературного критика Б.В. Никольского, коллекцию эльзевиров⁵ графов Орловых, нотное собрание графов Юсуповых и т.д. Она также отбирала для Публичной библиотеки книги и рукописи из Елагинского, Строгановского, Красносельского и других дворцов-музеев. По сути говоря, она продолжила заниматься тем, чем занималась в Комиссии по национализации книжных запасов при Центропечати, но в гораздо больших масштабах. В 1924 году вышла совместная книжка М.Н. Рыжкиной и А.И. Оношкович-Яцыной «Мышонок и луна» (М.; Пг.: Гос. изд.). В следующем году она была переиздана.

«Теперь мне предстояло разбирать коллекцию эльзевиров, наиболее полную, как говорили, в мире. Описание эльзевиров — наука особого рода. Имелся, конечно, печатный каталог на французском языке для ориентации, имелась и линеечка слоновой кости для измерения полей («обрезанный» или «необрезанный» экземпляр), а это очень важно в библиотечном деле.

Самое лучшее было то, что ящики с эльзевирами помещены временно в так называемом «Кабинете Фауста», тогда еще не изуродованном варварами XX века. А «Кабинет Фау-

5 Эльзевиры — ценнейшие издания классических сочинений известных голландских печатников Эльзевиров, отличавшиеся прекрасным оформлением. Высоко ценятся библиофилами.

ста” был одновременно и кабинетом директора библиотеки Э.Л. Радлова, и ежедневно общаться с ним было для меня дополнительным удовольствием. Эрнст Львович благоволил ко мне. <...> Посетители приходили в отделение не только к Эрнсту Львовичу, но и ко мне. Их было два: В.О. Петерсен, который спрашивал меня, не знаю ли я, где ключ от такой-то витрины, которого я в глаза не видала, хотя и принимала участие во всех устраиваемых выставках. Это был предлог, чтобы между прочим договориться о каком-либо совместном предприятии, и А.И. Доватур, приходивший брать сочинения своих Стратонов и Плиниев».

Знакомство с сотрудником ГПБ, искусствоведом и библиотековедом Владимиром Оскаровичем Петерсеном стало большим событием в жизни М.Н. Рыжкиной. В.О. Петерсен был почти на пятнадцать лет старше, участник Первой мировой войны, рядовой в армии А.И. Деникина. В Публичную библиотеку он пришел в 1921 году и в отделении изящных искусств занимался обработкой графических коллекций, а позднее возглавил этот отдел. М.Н. Рыжкина помогала ему в организации выставок: писала этикетки (со временем у нее сформировался образцовый библиотечный почерк), подбирала материал, развешивала экспонаты. В конце концов они поженились.

«Но библиотека все еще ни о чем не догадывалась. Я по-прежнему сидела в кабинете Эрнста Львовича, описывая мои эльзевировы, и мои два посетителя по-прежнему появлялись под разными предлогами. “Знаете, — наконец сказал Эрнст Львович, — это нехорошо, что к Вам двое ходят. Вы уж кого-нибудь одного выбирайте. Вам кто больше нравится: Петерсен или Доватур?” Я решила созорничать. “Да мне больше нравится Петерсен, только я думаю, он меня не возьмет!” — “Ну что...” — “Нет, правда, Эрнст Львович, вот вы его родственник (родство и правда какое-то существовало), поговорите с ним”. — “Что ж, можно”. — “Только теперь не стоит, — продолжала озорничать я, — скоро отпуска начинаются, он пойдет в отпуск, я пойду в отпуск, а вот осенью я Вам напомню!” На том и порешили. <...>

В конце мая мы оба попросили наше начальство дать нам на часок отпуск и, получив разрешение, отправились порознь

в ЗАГС, помещавшийся в бывшем дворце великого князя Сергея Александровича на противоположном берегу Фонтанки».

В 1926 г. М.Н. Рыжкина возглавила Дублетный фонд ГПБ.

В библиотеке мне было раздолье! Меня пересадили в Дублетное отделение. Огромное помещение в четвертом этаже библиотеки, куда сваливались все дублеты⁶, привозимые к нам из разоренных частных библиотек. Историями полков (роскошные издания иной раз) можно было бы вымостить площадь Александринского театра. Предстояло кой-как рассортировать их, расставить на полках, чтобы получить хоть поверхностное представление об имеющихся там сокровищах. Были там «рожки да ножки» бывшей Государственной Думы, Духовной академии и пр. и пр. Иногда мне давались списки «дезидерат»⁷ разных провинциальных библиотек, иногда появлялись и представители этих библиотек и искали сами. <...> Я была сама себе голова и, признаюсь, иной раз бездельничала, читая книги, или даже спала на тюках эстонских и латышских газет, бог весть откуда доставленных к нам в библиотеку.

Так прошло еще несколько лет.

Неожиданно появилась возможность вновь попытаться опубликовать переводы Эредиа, и набравшиеся опыта студийцы принялись за редактуру своих сочинений. Весной 1932 года Рыжкину арестовали.

О характере допроса и следователе Бузникове, который вел их дело, М.Н. Рыжкина пишет так:

«На допросе следователь меня спросил, как я думаю: за что меня посадили? “Арестован кто-либо из знакомых”. — “Кто?” — “Мой зять недавно арестован — м. б., в связи с этим?” Мне вспомнился сервиз и шпик у подъезда. Нет, причина была все же в аресте Бронникова. Стендаль в своей “La vie de

6 Дублеты — это дубли, повторы книг, имеющихся в основном фонде.

7 Деизидераты — книги, недостающие для полноты коллекций, требуемые для пополнения библиотек.

Н. Brulard”⁸ часто пишет, что не помнит того или другого лица или события, несмотря на их важность, потому что чувство, переживаемое им, было так велико, что заслоняло внешнее. Так было и со мной. Я не помню лица моего следователя, многоуважаемого тов. Бузникова (да будет имя его известно потомству (*dans ses heures perdues* он был детским писателем!))⁹. Допрос начался с того, что на меня накинулись вчетвером какие-то “чины” (Бузников в том числе) и орал что-то с целью запугать меня; потом Бузников *solo* посоветовал мне во всем признаться и сказал, что все другие уже признались. Примитивный приемчик, который мне был известен из чтения о старых судебных процессах, хранившихся в моем Дублетном отделении. На дурацкие вопросы нечего было отвечать. “Вы не за других бойтесь!” — был рефрен всех угроз, а я действительно боялась за других, в том числе и за мужа, потому что если б его привлекли к делу... Наконец Бузников показал мне какой-то протокол, в котором Бронников признавался, что мы были монархической организацией и готовили черт знает что. Протокол был написан не рукой Бронникова, и я ему, конечно, не поверила, но я действительно боялась, боялась, боялась, боялась... и в конце концов подписала какую-то филькину грамоту. Только бы отвязаться, ведь все было решено и подписано. Только бы не видеть этой подлой рожи, только бы уйти в камеру. Будь что будет. Один раз я, впрочем, не могла не усмехнуться, когда Бузников, дубася кулаком по столу, орал: “Вы герцогиня? Вы герцогиня?” — “Нет! Я — генерал!” — честно призналась я».

После допроса М.Н. Рыжкину отвели под конвоем в одиночную камеру. В «Мемуарах» она дает описание тюремного быта и того, что происходило дальше:

«Я просидела, т.е., собственно, “проходила” (шесть шагов от окна к двери и обратно) еще недели две, а тем временем ветер переменился, т.к. у Лозинского были “покровители” и кто-то одумался. Надежда Мандельштам пишет, что у жены Лозинского была какая-то “кузина”, но это был Алексей Тол-

8 «Жизнь Анри Брюлара».

9 *Dans ses heures perdues* — в свободное время (фр.). О том, чем занимался Бузников в свободное от работы в органах время, см. в настоящем издании в статье «Следователь Алексей Бузников».

стой, “рабоче-крестьянский граф”, любимец Сталина и свекор дочери Лозинского. Однажды надзиратель предложил мне: “Напишите заявление, чтобы Вас вызвали на допрос!” И тут я сделала величайшую глупость моей жизни — я отказалась. Если бы не трусость — меня, может быть, и выпустили бы. Но я просто не могла сладить со своими нервами. А потом, ровно через месяц, меня перевели ночью в общую камеру. Этот эпизод я попыталась изложить теперь (март 1978) в статье для “Русской мысли”¹⁰ — парижской эмигрантской газеты. Статья была напечатана с большим опозданием. Не думаю, чтобы Управление ДПЗ хотело сделать нам с Е.А. Фе (сотрудница Публичной библиотеки. — Авт.) приятный сюрприз, соединяя нас в одной камере, но мне это соединение пришлось очень кстати. Поговорить по душам с “единомышленницей” (в широком смысле) было уже очень успокоительно и приятно. “Устроила” меня Е.А. также очень удобно. В переполненной камере счастливицы спали втроем на двух койках, остальные — на скамьях, на столе, на полу — как придется. Я очутилась третьей в союзе между добродушной монахиней и сестрой Е.А. — Ольгой, очень приятной воспитанной особой, с которой можно было поговорить об Эрмитаже, столь близком моей душе. Койки наши были расположены возле самой двери, с которой поступал воздух из коридора (дверь — решетчатая), и это было в переполненной камере большим преимуществом. Должна сказать, что пребывание в камере было в общем и целом сносно. В этот год, как говорили, ленинградские и московские тюрьмы заключили “социалистическое соревнование” (вот по-ди ж ты, куда проник этот лозунг!) на чистоту и опрятность. И в самом деле, если кто-либо обнаружил у себя вошь — всю камеру вели в баню, а помещение дезинфицировали. Баня была хорошая — в царские времена строили практично, и большевики еще не успели ее изгадить. Хочу тут же сказать, что низший персонал был несравненно гуманнее вышестоящих. Были у нас две надзирательницы: Тоня и другая, по прозвищу Командарм. Принося почту, Тоня неизменно говорила,

¹⁰ Мария Рыжкина-Петерсен. Слон и клоп // Русская мысль. № 3211. 6 июля 1978 г.

передавая мне открытку: "Петерсен! От мужа! Вот это любовь до гроба!" — и при моем "выпуске" (не освобождении) позволила мне сохранить открытки, вопреки запрещению. "Тоня, милая, вы же их читали! Ну, оставьте их мне!" — попросила я. "Ну ладно, возьмите уж!" А Командарм оказался и совсем на высоте. Студентка Нина очень боялась, что ее больная мать в ее отсутствие умерла, потому что открытки получала только от отца. И вот, однажды в полночь, когда все уже спали, Командарм через решетку окликнул: "Ну ты, Нина! Открытка от матери! Видишь — жива!" Она спокойно могла бы отложить это сообщение до утра, но жалость одолела. Если Командарм ругался в коридоре, требуя прекратить пение: "Потише там, 36-я! Без концерта обойдемся!" — то это означало, что начальство поблизости. В противном случае петь (не очень громко) не возбранялось. Петь у нас было кому, и хормейстером у нас была хористка Государственной капеллы Софья (забыла отчество) Носович, племянница знаменитого ротмистра Носовича, известного мне еще до революции, на бегах. Пела и другая студентка, дочь учителя-эсера, сидевшего при всех правительствах, от которого она усвоила "Дин-дон, слышен звон кандалный, дин-дон, путь сибирский дальний" и прочие песни в этом роде, не пользовавшиеся у нас большой популярностью. Была какая-то украинка с хорошим голосом; Носович ввела в обычай аккомпанировать пению на гребенке через папиросную бумагу — по ее словам, этот прием применялся и в капелле. Звучало как скрипка. Приходили "чины" искать музыкальный инструмент и, конечно, ничего не находили. Развлекались, как могли. Я прочла наизусть целиком "Горе от ума", какая-то монахиня, чтобы показать, что и она не лыком шита, прочла "Колокольчики мои". Большим утешением были прогулки во дворе. За малейшее нарушение дисциплины обычно лишали прогулки всю камеру, и мы старались вести себя чинно. Изощрялись, однако, в мелких надувательствах: иметь иголки, например, запрещалось, но близкие прислали их в кусках мыла и пр. А у меня была другая забота. Дело в том, что перед моим арестом поговаривалось о перемещении моего Дублетного отделения куда-нибудь в Александро-Невскую лавру, например. И вот, в одиночке ко всем прочим страхам присо-

единился еще этот страх перед переселением. Потому что в куче макулатуры, сваленной на полу, были зарыты мои дневники разных годов. Одиночка, как огромный телескоп, преувеличивает все страхи, и мысль, что кто-нибудь обнаружит мои записки, — сводила меня с ума. Теперь, в общей, когда разрешена была переписка, я написала Оскарычу в открытке: "Давид Осипович должен мне 38 или 40 рублей. Постарайся получить — этого хватит тебе на дрова". Никакого Давида Осиповича у нас и в заводе не было. Муж поломал голову и пошел посоветоваться к Кубе (друг В. О. Петерсена, сотрудник Эрмитажа. Полное имя неизвестно. — Авт.) "Ну, попробуй по буквам", — предложил тот. Тут дело пошло как по маслу: Д. О. = Дублетное отделение. 38 или 40 = номера шкафов, а "дрова" = "сожги, что найдешь!" Так! Но дело в том, что по библиотечным правилам ходить в чужие отделения без тамошнего сотрудника не разрешалось. Оскарычу — как и всякому другому. Тут выручил мой приятель Аристидка-грек-Доватур. Ему понадобились какие-то книги из Дублетного, и он с разрешения начальства и в сопровождении Оскарыча проник в заповедник. Один лазал по полкам, другой рылся в макулатуре, и в конце концов разыскали, что надо, но не полностью... В 1939 году Вл. Вл. Майков огорошил меня сообщением, что в Рукописном отделении хранится мой дневник — "маленькая тетрабочка!"¹¹ Но об этом я лучше расскажу в другом месте. Были разрешены и свидания. Горько было увидеться с мужем через две решетки, между которыми ходил надзиратель. Говорить было, в сущности, не о чем. Однажды он огорошил меня известием: "А Катя и Ада не поехали на дачу". Это значит, что Катя Малкина и Мориц не были арестованы. Не зря следователь на допросе, потребовав от меня перечислить участников нашего семинара, при имени Морица ограничился вопросом: "Кто ее муж?" — и получив ответ: "Морской офицер", сейчас же переменял тему. Видит бог, я ни тогда, ни теперь не желала Морицу моей участи, но и дорого бы дала, чтобы узнать, кого и за какую цену продал Шведе, чтобы сделать свою блистательную карьеру впоследствии! На одном из свиданий сообщил мне муж, что

¹¹ ОР РНБ. Ф. 1000, оп. 2. № 1187.

и Лозинский уже выпущен на свободу. За него я порадовалась, а себя лишний раз упрекнула в глупости и «боязни за других». Время шло. Состав заключенных менялся. Выслали монахинь, одни ревели, другие складывали свои манатки (вязаные скатерти и занавески), одна рассказывала, что на утверждение следователя: «Бога нет!» — ответила: «Вы образованные — вам лучше знать». Покинула камеру и Фе. И, наконец, у двери появился «чин», окликнув, как всегда: «Носович! Есть такая?» и «Петерсен! Есть такая?» (мы стояли в списках по алфавиту), повел нас в какие-то служебные комнаты. Отдельно друг от друга, конечно. В помещении на столе была развернута карта необъятной матушки-России. Мне было объявлено, что я высылаюсь на три года из Ленинграда и могу выбрать себе место-пребывание везде, кроме двенадцати университетских городов и Урала. Последнее было неожиданно и неприятно, т.к. я намеревалась ехать к Гавриилу (брат М.Н. Рыжкиной. — *Авт.*), который о ту пору уже покинул свой Троицк и обосновался в Челябинске при помощи Бориса, своего пасынка, работавшего на Челябинском тракторном заводе. Обсуждая в камере возможность высылки, Носович, я и художница Сафонова (дочь дирижера) решили выбрать Курск и держаться вместе. Я подписала, что приговор мне известен, и назвала Курск. Чин засмеялся: «Нет, нет, не Курск». — «Да почему же?» — «Ну, как хотите!» А потом, через несколько дней, снова раздалось: «Носович! Есть такая. Петерсен! Есть такая? С вещами собирайтесь». Собрались. Посадили нас в какой-то комнате, и тут я увидела Танечку Владимирову, участницу нашего семинара, безобиднейшее существо в мире, которую утопил проклятый Бронников. Я не знала, захочет ли она меня узнавать, и потому ограничилась тем, что встала у ней на виду. Она узнала, и мы завели разговор, но она нагнала на меня страху, сообщив, что нас отправят по этапу. Что такое этап, я знала из рассказов Чудовского: мужчин замертво выносили! Это было для меня полной неожиданностью: у меня не было ни продовольствия, ни необходимого снаряжения, например, чайника, кружки... К счастью, Танечка ошиблась! Нас стали поодиночке выпускать и пропускать через некую «богатырскую заставу», причем я, на радостях, что дело обошлось лучше, чем я думала, об-

рела снова юмор и сказала, пропускающим меня молодцам: "Счастливо оставаться! Ха-ха-ха!" Хочу еще раз с благодарностью упомянуть "низший персонал": они не потеряли образа человеческого. Однажды упомянутая Нина сказала на прогулке охранителю: "Когда вы нас выпустите, наконец?" "Такую красивую выпускать жалко!" — галантно ответил парень. А Командарм однажды вел себя воистину великодушным. Курили у нее ужасно много. Курили даже махорку (Носович, певица Гос. капеллы!). Я тогда воздерживалась и уступала ей мои папиросы за исполнение "Я вас люблю! Люблю безмерно!" из "Пиковой дамы", но часто все курильщики сидели на мели и умоляли Командарма раздобыть им табачку. "Откуда я вам табаку возьму? Что, у меня табачная лавка, что ли?" — огрызалась она, но под вечер, когда начальства не было слышно, появлялась за решеткой: "Ну вы, курильщики! Вот вам!" — и просовывала кисет махры. При выходе из тюрьмы заключенным иногда задавался вопрос: "Не имеют ли они жалоб на персонал?" Ответить полагалось: "Претензий не имею!", потому что за похвалы с нашей стороны персонал мог получить нагоняй от начальства. Так вот, хоть пятьдесят шесть лет спустя, а благодарю и Тоню, и Командарма за сочувствие и добросердечность».

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ВЫЕЗДНОЙ СЕССИИ
КОЛЛЕГИИ ОГПУ В ЛВО ОТ 17 ИЮНЯ 1932 Г.

Слушали: Протокол № 249-32 г. гражданки Петерсен-Рыжкиной Марии Никитичны по ст. 58.10 УК.

Постановили: Петерсен-Рыжкину Марию Никитичну лишить права проживания в 12 п.п. и Уральской области сроком на (3) три года, считая срок с 20 марта 1932 г., с прикреплением. Дело сдать в архив.

Секретарь Коллегии ОГПУ.

Верно: (подпись неразборчива. — Авт.)

Помощник уполномоченного РСО СОУ ПП ОГПУ в ЛВО.

В Курске Мария Никитична не смогла найти ни работы, ни жилья и переехала в Задонск Воронежской области, где устроилась чертежницей Задонской землеустроительной партии

и в районный отдел Земельного отдела. По окончании срока ссылки (20 марта 1935 года) она собиралась вернуться в Ленинград, но 2 марта был арестован и выслан в Караганду ее муж, и она последовала за ним. С большим трудом ей удалось устроиться на работу секретарем химической лаборатории, но 6 июля 1936 года умер от аппендицита В.О. Петерсен. М.Н. Рыжкина уехала в Челябинск, но и там не нашла библиотечной работы. В конце концов ей пришлось опять наняться на постылую канцелярскую службу.

Только в 1938 году М.Н. Рыжкина смогла вернуться ближе к Ленинграду, в город Пушкин (бывшее Царское Село. — *Авт.*): и опять скучная счетоводческая работа, на этот раз на шпагатной фабрике «Серп и молот». Все же через год удалось перевестись — тем же счетоводом — в Ленинград на шпагатную фабрику «Нева». С марта 1941 года работала по совместительству в Ленинградской театральной лаборатории. Единственной радостью стала предложенная старой подругой А.Д. Люблинской (далее Рыжкина называет ее Шуней. — *Авт.*) небольшая, но зато творческая работа: переписка французской рукописи XVIII в. Сидя в Рукописном отделении библиотеки, М.Н. Рыжкина с упоением предавалась блаженному занятию.

И тут случилось чудо.

«Я переписывала, а по отделению иной раз проходил заместитель директора Зейдле. “А вот Марья Никитична хотела бы опять вернуться к нам”, — сказала однажды ему Шуня. “А ее сейчас и приму!” — ответил он. Действовал он, разумеется, не из любви ко мне, а потому, что библиотеку действительно за эти годы “доделали до ручки”. Былые академики и профессора добровольно уступили свои места всякой шушере».

Сначала Марию Никитичну направили в Общий каталог, приписанный к Отделу обслуживания, но вскоре по ее просьбе перевели в Отделение полиграфии, где хранились ценные книги на иностранных языках. Читателей там было мало, и она часто проводила часы за чтением какого-нибудь увлекательного сочинения.

«Однажды летом, когда я без большого усердия предавалась моим библиотечным трудам, в отделение вошла отлучившаяся на время Пелагея Федоровна Горбатенко (заведующая

отделением полиграфии. — Авт.) и объявила: «Война с Германией! Сейчас будет общее собрание в Читальной зале!» Ввиду полного единодушия, царившего между нами, мы не обменялись с ней ни словом».

В «Мемуарах» есть немало страниц, посвященных страданиям ленинградцев в начале блокады. «Вымирали целые квартиры, целые семьи. При встречах уже не спрашивали “жив ли такой-то?”, а “умер ли уже?”. Хорошо было тем, у кого родственники умирали в начале месяца, — карточек сдавать не надо было и оставшимся в живых можно было подкормиться. Похороны, в общем, не представляли особых затруднений. Покойника зашивали в простыню, клали на детские салазки и несли в так называемый районный морг. Там покойников складывали как дрова, а вечером приезжала пятитонная машина, и трупы грузили в нее для доставки за город».

При первой же возможности М.Н. Рыжкина эвакуировалась из Ленинграда в надежде перейти на сторону немцев. Случай представился в районе Тихорецка (Краснодарский край) в конце 1942 года. Через несколько месяцев гитлеровцев выбили из города, и М.Н. Рыжкина вместе с ними бежала в Германию. После окончания войны она занялась журналистикой и потихоньку печатала в эмигрантских газетах и журналах свои воспоминания. М.Н. Петерсен прожила долгую жизнь и умерла 19 августа 1984 года в Доме для престарелых, расположенном недалеко от немецкого города Эркрата (Северный Рейн — Вестфалия).

ВЛАДИМИРОВА ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА *«И опрокинуты на грязь...»*

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА

...Я входила в антисоветскую литературную группу «Шерфоль», руководимую и направляемую переводчиком и поэтом Михаилом Леонидовичем Лозинским и поэтом-дилетантом М.Д. Бронниковым. Наш кружок представляет собою ядро переводческой студии, организованной Лозинским, Замятиным и другими и закрытой в 1922 году властями за антисоветскую линию. Наш кружок «Шерфоль» существовал нелегально, собираясь на частных квартирах, и, помимо продолжения перевода сонетов дворянского поэта Эредиа, занимался изданием нелегального журнала «Устой», пародировавшего современность, политически враждебную нашему кружку.

Арест и последовавшая высылка переводчицы Татьяны Михайловны Владимировой не поддаются никакой логике, если таковая существовала в преследовании людей ОГПУ. Скромная, тишайшая, всегда старавшаяся быть незаметной, Татьяна Владимировна меньше прочих походила на политическую преступницу, которая может принести хоть малейший «вред Советской власти». Между тем Т.М. Владимировна попала в жернова жестокой репрессивной системы, и ей была суждена полная лишений недолгая жизнь.

А начиналось все радостно и безмятежно. Татьяна Владимировна родилась в 1895 году в Петербурге в музыкальной семье. Ее дед, Меер Итцегсон, еврей из города Порхова Псковской губернии, был скрипачом. По его стопам пошел и отец Татьяны Михайловны, Михаил Владимирович Владимиров (настоящее имя и фамилия Моисей Меерович Итцегсон). Он родился в 1870 году в городе Порхове Псковской губернии.

Первоначальное музыкальное образование получил дома, а в 1882 году, после принятия православия, приехал в Петербург и поступил в консерваторию. Теорию композиции М.В. Владимиров изучал под руководством профессора Н.Ф. Соловьева, а инструментовку — у А.К. Лядова. После окончания консерватории работал в Панаевском оркестре дирижером и гобоистом, а с 1897 года стал во главе известного симфонического оркестра графа А.Д. Шереметева. С 1901 года служил также преподавателем Придворной капеллы и музыкальной школы Балтийского флота в Кронштадте. В 1903 году М.В. Владимиров дирижировал на Вагнеровских празднествах в Берлине и получил там золотую медаль и диплом «Für hervorragende künstlerische Leistungen»¹. После революции Михаил Владимирович занял место профессора консерватории, где учил будущих дирижеров. Переложил много фортепианных произведений для оркестрового исполнения, сотрудничал в музыкальных изданиях.

Мы так подробно остановились на жизни и творческом пути М.В. Владимирова, потому что это важно для разрешения одной загадки, смысл которой разъясним чуть позже.

Мать Т.М. Владимировой, Серафима Августовна (в девичестве Стрэм), происходила из семьи кронштадтских ремесленников и до рождения дочери работала хористкой в оперном театре.

Окончив гимназию в 1913 году, Татьяна Михайловна начала работать на канцелярских и бухгалтерских должностях в различных петербургских учреждениях, а после октября 1917 года — в Комиссариате продовольствия 2-го городского района Ленинграда: сначала в секретариате, а затем заведующей врачебным подотделом. В 1920 году была переведена в 3-й Пункт охраны материнства и младенчества («матмлада»), где и прослужила двенадцать лет — до самого ареста.

В Студию художественного перевода М.Л. Лозинского Т.М. Владимирова пришла в конце 1919-го или в начале 1920 года. Во всяком случае, в дневнике другой студийки, А.И. Оношковой-Яцыной, есть запись от 9 мая 1920 года о том,

¹ За выдающиеся художественные достижения (нем.).

что она сделала вместе с Т.М. Владимировой какой-то перевод, вызвавший похвалу Чуковского.

Собрания проходили в квартирах студийцев, и чаще всего — в большой профессорской квартире Владимировых на проспекте 25 Октября, 22–24 (угловой дом с ул. Желябова, 14). Там же отмечали общие праздники.

Татьяну Владимировну все любили за ее терпимость, скромность, несомненный переводческий талант. Перевод Т. Владимировой сонета Эредиа:

ВАКХАНАЛИЯ

Внезапный слышен вопль, и сломана преграда.

То тигры вырвались и, ярости полны,

Ворчат и прыгают, и, ими сметены,

Вакханки в бегстве мнут долины винограда.

Кусая черный грозд, безумная менада

Струит багряный сок на полосы спины

И брюха белые зверей, что сплетены

И опрокинуты на грязь и пурпур сада.

К телам поверженным ползут со всех сторон

И чуют хищники, дыша тяжелым жаром,

Еще краснее кровь под золотым загаром.

Но бог, неслыханной игрою опьянен,

Взметая легкий тирс, на самку, в буйстве диком,

Самца рычащего натравливает криком².

Для нее эти занятия были глотком воздуха, тяжелая атмосфера бухгалтерий и канцелярий советского образца наводили на нее тоску. В кругу «шерфольцев» она имела прозвища Диана, Единственная женщина герцога Шерфольского. У Лозинского сохранился шуточный сонет Татьяны Владимировой:

2 Эредиа Ж.М. де. Трофеи. М.: Наука, 1973.

ПАПЕ КРЕСТНОМУ

Гордыня герцогства, державный повелитель,
Единовластный вождь, кем славится народ.
Ряд верных подданных покой твой стережет,
Ценою жизни он отдаст твою обитель.

Ответ вам, дерзкие: в безумстве не хотите ль
Грозить, что свергните наш царственный оплот?
Ужель когда-нибудь наш цепкий хоровод,
Шерфольцы, разомкнет враждующий воитель?
<...>

Диана, Единственная женщина³

20 марта 1932 года в квартире Владимировых произвели обыск

ПРОТОКОЛ

На основании ордера полномочного представителя ОГПУ в ЛВО за № 1130 20 марта 1932 года произведен обыск в доме № 22/24, кв. 75 по проспекту 25 Октября у гражданки Владимировой Татьяны Михайловны в присутствии управдома т. Смилги. Согласно данным задержаны: гр-ка Владимирова Татьяна Михайловна. Взято для доставления в ПП ОГПУ в ЛВО следующее (подробная опись): письмо Пушкина, бумажные деньги царского образца.

Опечатано: комната Владимировой Татьяны Михайловны.

Сотрудник ПП ОГПУ в ЛВО

<подпись неразборчива>

Бумажные деньги царского образца можно было в то время найти практически в любой квартире. А вот что за письмо Пушкина изъяли сыщики в квартире Владимировых, представляется неразрешимой загадкой.

По этому поводу можно высказывать любые предположения, и позволим себе некоторые из них: 1) Семья Итцегсонов жила в небольшом городке Порхове Псковской губернии уже

3 Из архива И.В. Платоновой-Лозинской.

в пушкинские времена. Город находится в 160 км от имения Пушкина Михайловского по дороге в Петербург. В одну из своих поездок Пушкин мог задержаться в Порхове и оставить Итцегсонам письмо или записку; 2) Кто-нибудь из просвещенной семьи Итцегсонов мог купить или получить в дар письмо Пушкина от своих порховских родственников или знакомых; 3) Пушкин был хорошо знаком с графами Шереметевыми. М.В. Владимиров мог получить письмо Пушкина в дар от А.Д. Шереметева, когда был главным дирижером его оркестра. Скорее всего, все три разгадки неверны, но, не зная содержания письма, можно без конца соревноваться в изобретении всё новых и новых версий. Подождем археологических и историко-филологических раскопок в исполнении архивистов петербургского ФСБ.

В допросах Владимировой появляются рассказы о разыгранных в кружке Лозинского пьесах, о которых другие подследственные не говорили.

...В кружке писались и разыгрывались свои пьесы, тематика которых была также далека от современности. В этих пьесах были люди дворянско-монархического происхождения, изнывающие от ничегонеделания, влюбляющиеся и путешествующие. Такие пьесы, как «Шептала» и др., носили чуждый, неприемлемый для советского искусства контрреволюционный характер, преследовавшие одну и ту же цель — отгородиться от современности, оторвать от сегодняшних задач членов кружка, воспитать их во пьесах: «Шептала», «Все мы жаждем любви», «О Мэри Пикфорд» и др. названия, которых я не помню. К пьесам лиц перешли не сразу, начав устраивать постановки с шарад. Игра этих пьес происходила на квартире у Бронникова, у Лозинского, у меня и у Малкиной.

Татьяна Владимировна была осуждена за антисоветскую деятельность и получила статью 58-10. Признала себя виновной. Рыжкина-Петерсен рассказывает, что ее приятельница боялась и ждала этапа. Но в приговоре от 17 мая 1933 года говорилось:

Постановлением тройки быв. ПП ОГПУ ЛВО от 17 мая 1933 года Владимирова Т.М. лишается права проживать в 12 п. п. и Уральской области сроком на 3 года, считая срок с 20 марта 1932 г.

Все-таки не лагерь, а ссылка. Место, которое избрала Т.М. Владимирова, — небольшой старинный городок Любим, расположенный на востоке Ярославской области при слиянии рек Обноры и Учи. Население Любима составляло в это время чуть более пяти тысяч человек.

После кипящего культурной жизнью Ленинграда жизнь в Любиме казалась Т.М. Владимировой тягостной. Ее выматывала рутинная работа счетоводом в инвалидной артели и не оставляла мысль об умершем в Ленинграде вскоре после ее ареста отце.

После отбытия срока высылки Т.М. Владимирова вернулась в Ленинград. Найти службу в городе оказалось невозможным, и ей пришлось уехать в село Хутынь Новгородского района, где она устроилась бухгалтером подсобного хозяйства в Психиатрической больнице.

В начале мая 1939 года Т.М. Владимирова подала в отдел частных амнистий ВЦИК СССР просьбу о снятии судимости:

В 1932 г. 20 марта я была арестована и согласно решения Коллегии ОГПУ в ЛВО от 1 апреля 1932 г.⁴ осуждена по ст. 58-10 и выслана в г. Любим Ярославской области на 3 года.

Осуждена я была за участие в переводческом кружке, во главе которого стоял М.Л. Лозинский. Нами был переведен сборник сонетов французского поэта Эредиа, являющегося старинным мастером стиха.

Встречи с членами кружка помимо переводов носили настолько эпизодический характер, что мне трудно припомнить. Во всяком случае, с 1923 по 1928 г. я виделась с остальными переводчиками 6–7 раз, и ни мною, ни остальными участниками в моем присутствии никаких антисоветских выступлений допущено не было.

4 Неясно, почему Т.М. Владимирова указывает такую дату — 1 апреля. Согласно материалам дела, приговоры всем привлеченным по делу были вынесены в июне 1932-го.

С 1928 г. по окончании переводов я совершенно не встречалась с переводчиками нашего кружка и лишь в 1931 г. была несколько раз у руководителя М.Л. Лозинского для внесения поправок в переводы ввиду предполагавшегося их издания.

<...>

В настоящее время мне неизвестна судьба остальных участников нашего кружка, за исключением его руководителя — М.Л. Лозинского, который в текущем году удостоен правительственного ордена «Знак почета».

Конечно, я не имею тех заслуг перед советской властью, которые имеет М.Л. Лозинский, но в своем маленьком деле я вкладывала все свои силы и знания в то дело, которое мне поручалось, и начиная с Октябрьской революции по сегодняшний день я честно служила и служу партии и правительству.

Во время моей высылки в г. Любим я подавала в 1933 г. просьбу о помиловании, но ответа не получила. Теперь я вновь прошу снять с меня судимость.

Несмотря на то, что в ссылке и после возвращения я всюду встречала хорошее к себе отношение, мне мучительно тяжело сознавать, что я не равная моим незапятнанным сослуживцам. Я прошу снять с меня судимость и даю слово, что всю свою жизнь посвящу честной, беспорочной работе на пользу Советской власти.

Т. Владимирова.

3 мая 1939 г.

P.S. Весьма возможно, что я упустила в своей просьбе что-нибудь существенное. Поэтому очень прошу, если надо, затребовать у меня любые дополнительные сведения, в крайнем случае вызвать в Москву, но верить моей искренности и честности, дать мне возможность окончить свою жизнь без гнетущего меня пятна.

Я не представляю себе жизни, если Вы откажете в моей просьбе.

Адрес: п/о Хутын Новгородского района Ленобласти.

Бухгалтерия 6-й Психиатрической больницы.

Т.М. Владимировой.

Прошел почти год, когда наконец Т.М. Владимирова получила ответ:

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 23

Слушали: Дело № 164051 УНКВД Ленинградской области — о с
тии судимости Владимировой Татьяны Михайловны, 1895 г.
уроженки г. Кронштадта, русская, гражданка СССР, бесп
тийная.

Постановили: Судимость и связанные с ней ограничения с Владимировой Татьяны Михайловны — снять.

Начальник Секретариата Особого совещания при Народно-комиссариате внутренних дел СССР Иванов.

После получения известия о снятии судимости Татьяна Михайловна вернулась в дорогой ей Ленинград. Но жизнь оказалась к ней жестока. Владимировой не удалось пережить первую блокадную зиму, и она умерла от голода в январе 1942 года. Похоронена она на Пискаревском кладбище.

Д
Л
Ж
Н
В

HI